

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**4 (40)
2023**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2023

Редактор

Е. А. Лебедева

Корректор

Н. В. Пустовойтова

Технический редактор

Ш. Ш. Амирсейидов

Верстка оригинал-макета

Е. А. Кузьминой

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, г. Владимир,

ул. Горького, 87

Владимирский государственный

университет имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции: 600000,

г. Владимир, ул. Горького, 87, ВлГУ,

каб. 08-1

Подписано в печать 22.12.23

Заказ №

Выход в свет 29.12.23

Бесплатно

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 7,67

Тираж 500 экз.

Издательство

Владимирского государственного

университета имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

Отпечатано в отделе

оперативной полиграфии Владимирского

государственного университета

имени Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича Столетовых

600014, г. Владимир,

ул. Белоконской, 3Б

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

- Е. М. Петровичева* доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института ВлГУ
(главный редактор серии)
- Е. И. Аринин* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения
ВлГУ (зам. главного редактора серии)
- К. А. Аверьянов* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- Ю. В. Кривошеев* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионове-
дения СПбГУ
- Т. Л. Лабутина* доктор ист. наук, профессор
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
- И. К. Лапина* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой всеобщей истории ВлГУ
- А. В. Лубков* доктор ист. наук, профессор
ректор МПГУ
- А. В. Марков* доктор филол. наук, профессор
профессор кафедры кино и современного
искусства РГГУ
- Н. М. Маркова* кандидат филос. наук, доцент
зам. директора Гуманитарного института
ВлГУ
- С. А. Мартыанова* кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
филологии ВлГУ
- Ю. Г. Матушанская* доктор филос. наук, профессор
профессор кафедры религиоведения
Института социально-философских наук
и массовых коммуникаций КФУ
- А. С. Минаков* доктор ист. наук, профессор
профессор кафедры истории России МПГУ
- С. С. Новиков* доктор ист. наук, доцент
профессор кафедры теории и истории
государства и права ВлГУ
- М. В. Пименова* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка ВлГУ
- Л. В. Рацибурская* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой современного русского
языка и общего языкознания ННГУ
- С. И. Реснянский* доктор ист. наук, профессор
профессор кафедры истории России
средних веков и нового времени ГУП
- А. С. Тимошук* доктор филос. наук, доцент
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
ВЮИ ФСИН России
- Т. Е. Шаповалова* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой современного русского языка
имени профессора П. А. Леканта ГУП
- А. В. Ляпанов* кандидат ист. наук, доцент
доцент кафедры истории России ВлГУ
(отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

А. В. Ляпанов

Строительство и борьба с пожарами в селениях
государственных крестьян Владимирской губернии 5

Е. М. Петровичева

Владими́ро-Суздальский край в период Смутного времени 9

А. Б. Соловьёв

Короткая жизнь Александра Творогова 17

ФИЛОЛОГИЯ

И. А. Костылева

Литературная критика русского зарубежья
о личности и творчестве М. Горького 26

ФИЛОСОФИЯ

П. А. Белоусов, Н. Д. Феоктистов

Философское обоснование личностной свободы
в теориях русского анархизма: М. Бакунин, П. Кропоткин, А. Боровой 33

Р. А. Куренкова, Д. А. Ушакова

Феноменолого-герменевтический метод как современный подход
к исполнительской интерпретации классической музыки 40

Н. И. Петев, Н. Д. Феоктистов

Проблема дефицита кадров в системе среднего образования
и пути ее решения с помощью анархических идей 47

А. В. Семенович

Судебный ритуал как способ трансформации
судебного процесса в метафизическую реальность 52

Е. А. Тимощук, И. А. Тимощук

Кутырёв vs Бостром: философский анализ трансгуманизма 57

Сведения об авторах 65

CONTENTS

HISTORY

A. V. Lyapanov Construction and Fire Fighting in the Villages of State Peasants of the Vladimir Province.....	5
E. M. Petrovicheva Vladimir-Suzdal Region During the Time of Smuta.....	9
A. B. Solovyov The Short Life of Alexander Tvorogov.	17

PHILOLOGY

I. A. Kostyleva Literary Criticism of the Russian Diaspora about the Personality and Work of M. Gorky.....	26
---	----

PHILOSOPHY

P. A. Belousov, N. D. Feoktistov Philosophical Substantiation of Personal Freedom in the Theories of Russian Anarchism: M. Bakunin, P. Kropotkin, A. Borovoi.....	33
R. A. Kurenkova, D. A. Ushakova Phenomenological-hermeneutical Method as a Modern Approach to Performing Interpretation of Classical Music.....	40
N. I. Petev, N. D. Feoktistov The Problem of Personnel Shortage in the Secondary Education System and Ways to Solve it with the Help of Anarchist Ideas	47
A. V. Semenovich Judicial Ritual as a Way of Transformation the Trial into a Metaphysical Reality.....	52
E. A. Timoshchuk, I. A. Timoshchuk Kutyryov vs Bostrom: Philosophical Analysis of Transhumanism.....	57
Contributors	65

СТРОИТЕЛЬСТВО И БОРЬБА С ПОЖАРАМИ В СЕЛЕНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Пожары в XIX в. представляли одну из серьезнейших проблем не только для городского, но и сельского населения в России. В статье на примере государственной деревни Владимирской губернии проанализированы меры, принимаемые правительством, по борьбе с названным негативным явлением.

Ключевые слова: государственные крестьяне, пожар, страхование, селения, каменные дома.

Как известно, целью реформы государственной деревни П. Д. Киселева, помимо искоренения недоимок, было создание для помещиков наглядного примера управления крестьянами. Одной из проблем, с которой боролись местные и центральные власти, считались частые пожары.

Данная тема давно привлекает к себе внимание исследователей. Одним из первых к ней обратился Н. М. Дружинин во втором томе своего монументального труда, посвященного государственным крестьянам [8].

Ряд исследователей затрагивают вопросы, касающиеся мер противопожарной безопасности [9; 10], страхования от пожара [11] и т. д. Мы предлагаем продолжить региональное изучение данного вопроса. В качестве основы для анализа будут привлечены данные, содержащиеся в фондах Государственного архива Владимирской области (ГАВО).

В рассматриваемый период (1840-е – 1860-е гг.) количество государственных крестьян существенным образом увеличилось. В основном это происходило за счет покупки и отчуждения частновладельческих имений. Министерство государственных имуществ заботилось о строительстве новых селений для государственных крестьян. Так, во Владимирской губернии с момента учреждения Управления государственных имуществ было образовано 20 новых поселений [1].

При строительстве особое внимание уделялось борьбе с пожарами. Традиционная тесная деревенская застройка деревянными избами, отсутствие пожарных инструментов приводили к тому, что ежегодно государственная деревня лишалась большого количества домов. Например, в 1848 г. во Владимирской губернии сгорели 656 домов, ущерб составил 85 481 руб. [2].

Для предотвращения подобной ситуации в дальнейшем были выработаны правила застройки. Дома должны были возводиться в основном из камня или кирпича, деревянные дома следовало строить на каменном фундаменте. Между домами предписывалось соблюдать значительные интервалы, селения должны были разграничиваться переулками, улицами и площадями. На каждое новое селение должен был быть составлен план под руководством гражданского инженера, находившегося на

службе при губернской палате государственных имуществ.

Конечно же, перестроить все селения было непосильной задачей, однако часть запланированных мероприятий была выполнена. Так, анализируя данные табл. 1, мы видим, что в селениях государственных крестьян со временем пусть незначительно, но увеличивается удельный вес каменных домов, домов на каменном фундаменте и на каменных столбах. И это несмотря на то, что подобные дома могли позволить себе только зажиточные крестьяне.

Таблица 1

Количество домов государственных крестьян Владимирской губернии [3]

Год	Дома государственных крестьян				Всего
	Каменные	Деревянные			
		на каменном фундаменте	на каменных столбах	на деревянных столбах	
1845	137	435	178	41 046	41 796
1846	155	723	90	41 973	42 941
1847	185	750	319	45 243	46 497
1848	193	776	399	45 136	46 504
1849	206	839	416	45 052	46 513
1850	206	869	436	48 413	49 924
1851	206	952	444	48 629	50 231
1852	209	1036	502	48 521	50 268
1854	209	1274	2884	45 999	50 366
1855	209	1381	3062	45 714	50 366
1856	219	1554	3098	45 498	50 369
1857	226	1534	3106	42 591	47 457
1858	247	1558	3131	42 942	47 878
1859	283	1610	3178	43 127	48 198
1862	330	2284	4138	41 754	48 506
1863	364	2104	4193	42 121	48 764
1864	393	2102	2799	43 617	48 911

Анализируя ситуацию по уездам Владимирской губернии (табл. 2), можно отметить, что за десятилетний

период (1852 – 1862) практически повсеместно увеличивается число селений, построенных по планам (как за

ИСТОРИЯ

счет новых, так и за счет перестройки старых). А вот серьезный прирост количества каменных домов наблюдается только во Владимирском и Суздальском уездах; в некоторых уездах прослеживается обратная тенденция.

Таблица 2

Количество сел и домов государственных крестьян по уездам
Владимирской губернии в 1852 г. и в 1862 г. [4]

Уезд	1852 год						1862 год					
	Сел и деревень		Всего	Дома		Всего	Сел и деревень		Всего	Дома		Всего
	по планам	без планов		каменные	деревянные		по планам	без планов		каменные	деревянные	
Владимирский	17	219	236	41	9314	9355	85	167	252	141	9452	9593
Судогодский	5	89	94	2	1933	1935	12	83	95	2	1767	1769
Суздальский	9	92	101	58	4452	4510	49	59	108	87	5057	5144
Юрьевский	3	75	78	71	2907	2978	25	57	82	66	3054	3120
Александровский	22	142	164	4	5654	5658	31	134	165	2	4433	4435
Переяславский	15	137	152	3	6244	6247	32	123	155	5	4226	4231
Покровский	18	102	120	2	5680	5682	60	70	130	1	5039	5040
Ковровский	22	158	180	13	3855	3868	45	142	187	3	4429	4432
Шуйский	6	64	70	12	789	801	17	71	88	19	935	954
Вязниковский	6	79	85	–	1674	1674	19	69	88	1	1568	1569
Муромский	8	72	80	5	3123	3128	26	48	74	3	3573	3576
Гороховецкий	10	44	54	–	1091	1091	21	32	53	–	1200	1200
Меленковский	2	57	59	–	3343	3343	13	55	68	–	3443	3443
<i>Всего:</i>	143	1330	1473	209	50 059	50 268	435	1110	1545	330	48 176	48 506

Внимание, которое власти уделяли противопожарной безопасности, косвенно может быть проиллюстрировано количеством дел о нарушениях противопожарной безопасности, рассмотренных в волостных и сельских

расправах Владимирской губернии в 1845 – 1865 гг. В 1854 г. было рассмотрено 15 подобных дел, в 1855 г. – 27, в 1856 г. – 9, в 1857 г. – 9, в 1858 г. – 4, в 1859 г. – 10, в 1862 г. – 5, в 1863 г. – 10, в 1864 г. – 12, в 1865 г. – 5 [5]. Как

мы видим, подобные дела рассматривались на регулярной основе.

Однако несмотря на принятые меры, проблему с пожарами в государственной деревне решить не удалось, не удалось уменьшить и ущерб от них. Так, в 1863 г. во Владимирской губернии сгорело уже 762 дома государственных крестьян, ущерб составил 144 396 руб. [6].

Для того чтобы обеспечить жильем погорельцев, местные власти выдавали им пособия лесом и деньгами. На формирование соответствующего фонда был установлен специальный сбор в размере 4 коп. с души. Помимо этого, с 1853 г. стали вводить добровольное страхование от огня в соответствии с Положением 1852 г. Однако не все домохозяйства оказались в состоянии вносить страховую премию в размере от 12 коп. до 1 руб. серебром в год. Многие

предпочитали остаться на старой системе 4-копеечного сбора [7].

За строительством в селениях наблюдали с целью борьбы с пожарами, а также ради внешнего благоустройства населенных пунктов. Для этого рассылали атласы образцовых фасадов, которыми необходимо было руководствоваться при строительстве. Особое внимание уделялось церквям и шоссейным дорогам.

Таким образом, правительство предпринимало меры по приведению селений государственных крестьян в надлежащий вид. Однако сказать, что все они являли собой идеальную картину, нельзя. Об этом свидетельствуют отчеты ревизоров, которые эти селения инспектировали. Чиновники отмечали, что порядок наведен в населенных пунктах, расположенных преимущественно вдоль шоссе, во всех других селениях никакой благоустроенности не наблюдается [3, с. 275].

Библиографические ссылки

1. ГАВО. Ф. 364 (Владимирская палата государственных имуществ). Оп. 3. Д. 229. Л. 34.
2. ГАВО. Ф. 364. Оп. 2. Д. 186. Л. 63 об.
3. ГАВО. Ф. 364. Оп. 2. Д. 11, 29 а, 48 г, 67, 87, 110, 130, 150, 186, 212; Оп. 3. Д. 82, 90, 100, 116, 126, 130, 136, 181, 202, 229.
4. ГАВО. Ф. 364. Оп. 3. Д. 100. Л. 230; Д. 181. Л. 231.
5. ГАВО. Ф. 364. Оп. 2. Д. 110, 130, 150, 186, 212; Оп. 3. Д. 82, 90, 100, 107, 112, 116, 126, 130, 136, 181, 202, 229, 242.
6. ГАВО. Ф. 364. Оп. 3. Д. 202. Л. 41 – 42.
7. ГАВО. Ф. 364. Оп. 3. Д. 100. Л. 21 – 22.
8. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева : в 2 т. М., 1958. Т. 2. 614 с.
9. Захарова А. А. Меры противопожарной безопасности в уездных городах в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам Московской

губернии) // Вестник государственного и муниципального управления. 2019. Т. 8, № 4. С. 102 – 111.

10. Зотиков А. В. Система мер по обеспечению пожаробезопасности в казенных селениях Казанской губернии во второй трети XIX века // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 72 – 77.

11. Логвинова И. Первые опыты взаимного страхования крестьянских строений от огня в Российской империи // Страховое дело. 2008. № 12 (191). С. 53 – 61.

A. V. Lyapanov

CONSTRUCTION AND FIRE FIGHTING IN THE VILLAGES OF STATE PEASANTS OF THE VLADIMIR PROVINCE

Fires in the XIX century were one of the most serious problems not only for the urban, but also for the rural population in Russia. Using the example of the state village of the Vladimir province, we will analyze the measures taken by the government to combat this negative phenomenon.

Keywords: state peasants, fire, insurance, villages, stone houses.

УДК 94(470)

Е. М. Петровичева

ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИЙ КРАЙ В ПЕРИОД СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Отмечая 4 ноября День народного единства, мы должны понимать смысл этого сравнительно нового праздника, который был выбран как символ объединения всех граждан страны. Он не сразу был понят многими нашими соотечественниками, поскольку связан с далекими, казалось бы, событиями более чем четырехвековой давности. В представленной статье анализируются причины и сущность Смуты и исследуются события, развернувшиеся на территории Владимиро-Суздальского края на втором ее этапе, связанном с именем Лжедмитрия II. Показана грабительская политика Тушинского правительства и начало земского движения по освобождению страны от иноземных захватчиков.

Ключевые слова: Смута, гражданская война, иностранная интервенция, Тушинское правительство, земское освободительное движение.

События начала XVII в. современники называли Смутным временем, понимая под ним «общее неповиновение», «раздор меж народом и властью». Причины этого явления историки объясняли по-разному. Одни считали Смуту случайным явлением, связанным с борьбой за власть в государстве. С. М. Соловьев выводил Смуту из падения народной нравственности и борьбы против прогрессивных государственных порядков со стороны старых дружинных начал и казачества как антигосударственного явления [17, с. 461]. Н. И. Костомаров главной причиной этих событий считал интриги папства, иезуитов и польскую интервенцию. Советские историки рассматривали события начала XVII столетия как классовую борьбу крестьян против феодалов [3; 6; 14]. Большинство историков новейшего времени трактуют Смуту как «гражданскую войну», на которую наложилась иностранная интервенция [8; 11; 12; 16; 18; 19; 22].

Среди важнейших причин Смуты историки отмечают не только тяжелые психологические и экономические последствия опричнины, закрепощение крестьян [7, с. 278], неурожай и голод начала XVII в., но также и более глубинные основания, в частности кризис системы дворянского землепользования в стране, вынужденной вести длительные войны по защите своих рубежей на востоке и юге и возвращению исконных земель на западе. Суть его состояла в том, что «в условиях длительной войны правительство должно было увеличи-

вать количество служилых людей, постоянно рекрутировало в состав «детей боярских» выходцев из плебейских слоев, раздавая им за службу поместья с крестьянами. Уменьшение средних размеров феодальных владений, дробление поместий вызывало дворянское оскудение и недовольство в среде многих разорившихся мелких помещиков» [5, с. 169]. Все это привело к тому, что среди тех, кто выступил против Московского престола, были не только представители народных масс (крестьяне, горожане или казаки), но также служилые люди. А такая важнейшая предпосылка Смуты, как династический кризис, привела к обострению борьбы за власть боярских группировок. Следовательно, раскол прошел по всей социальной вертикали русского общества, и в этом смысле начало XVII в. справедливо может быть названо гражданской войной и, пожалуй, первым крупным кризисом в истории российской государственности.

Некоторые историки относят начало Смуты ко времени опричнины, и Ф. Ф. Шамагонов считает это справедливым [20]. Мы полагаем, что эти два явления все-таки необходимо разделять и поддерживаем в данном случае то историческое большинство, которое относит начало Смуты ко времени объявления Лжедмитрия I в 1604 г. Что касается периодизации, то, на наш взгляд, здесь следует полностью согласиться с В. О. Ключевским, который выделял три периода Смуты: во-первых, политическую

борьбу 1605 – 1607 гг., которая в 1608 – 1610 гг. перерастает в социальную борьбу, а в 1611 – 1612 гг. – в национально-освободительное движение [4, с. 57].

На Владимирской земле основные события развернулись на втором этапе Смуты, связанном с именем Лжедмитрия II, в период царствования Василия Шуйского. Лжедмитрий II, объявившийся летом 1607 г. в г. Стародубе, начал поход на Москву во главе больших польско-литовских отрядов. В начале лета 1608 г. Лжедмитрий II подошел к Москве, но взять ее не смог. Он организовал блокаду столицы, основал резиденцию в селе Тушино [11, с. 340] и принялся захватывать замосковские города, в том числе и города Владимиро-Суздальского края.

Владимирцы, долго сопротивлявшиеся, признали власть Тушинского вора значительно позже других уездов – в конце октября (по старому стилю) 1608 г. Переходу на сторону самозванца способствовала «измена» окольного Ивана Годунова (родственника Бориса Годунова, пострадавшего от В. Шуйского) и Михаила Вельяминова, которого Лжедмитрий II вскоре сделал во Владимире воеводой.

В то же время, как справедливо отмечает исследователь движения Лжедмитрия II И. О. Тюменцев, не следует преувеличивать значение дворянской и боярской «шатости» летом – в начале осени 1608 г. Основная масса дворян и детей боярских сохранила верность московскому царю, так как они «после зимы 1607 – 1608 гг. пре-

красно знали, что несет для них новая власть» [19, с. 531].

Владимирский уезд находился под властью тушинцев почти пять месяцев, испытав на себе всю тяжесть политики Тушинского правительства. На Владимиро-Суздальской земле сбор продовольствия и денег был поручен польскому шляхтичу Александру Лисовскому, а он среди воевод самозванца слыл едва ли не самым безжалостным. В города и села Владимирского края не раз приезжали сборщики податей – то из Тушино, то из лагеря польского гетмана Петра Сапегы. Известно, что в начале февраля 1609 г. сам владимирский воевода Михаил Вельяминов по приказу Лжедмитрия II собрал с жителей Владимира и уезда 200 рублей «сошных, и полавочных, и поповских денег» и отослал их 9 февраля в Тушино [1, № 151].

Хозяйничанье поляков на Владимирской земле сопровождалось грабежами и насилием. Немецкий наемник, активный участник событий Смуты Конрад Буссов писал позднее в «Московской хронике»: «Они отнимали силою у бедняков, невзирая на то, что те присягнули Дмитрию, все, что у них было, как если бы это были злейшие враги; а ведь эти бедные люди много отдавали в лагерь на содержание войска. Из-за этого им приходилось все прятать и закапывать в землю от грабителей поляков, что слишком тяжело было постоянно терпеть этим людям...» [2, с. 157].

Бесчинства поляков усугублялись действиями открытых разбойни-

ков и мародеров, которых тогда называли загонными людьми (от польского слова «набег») [10, с. 290]. Это были отдельные отряды, грабившие население; грабежи часто сопровождались истязаниями и убийствами. На Владимирской земле орудовала банда Федора Наливайко, в составе которой были поляки, татары и казаки. Федор Наливайко появился во Владимирском уезде в середине ноября 1608 г. Известно, что этой бандой было убито 93 человека, среди них – владимирские дворяне и дети боярские Иван Охлабаев, Юрий Окинфов, Петр Головачаев, Леонид Чертов, Меньшик Кузьминский, Савва Прокофьев и Григорий Никифоров [1, № 161]. Михаил Вельяминов пытался бороться с Наливайко. Сообщая о том, что 16 ноября его банда «побила» на заставе отряд из владимирских дворян и детей боярских, владимирский воевода просил гетмана Сапегу прислать в помощь отряд поляков [Там же]. Ян Петр Сапега отправил во Владимир отряд во главе с панами Андреем Приклонским и Матвеем Окульским.

14 декабря 1608 г. объединенные силы владимирцев и поляков разгромили разбойников, схватили их предводителя Ф. Наливайко и взяли в плен еще 14 человек. Вскоре Наливайко был повешен [1; 19; 21], однако разбойники продолжали бесчинствовать на Владимирской земле. Все это усиливало недовольство местного населения.

Убедившись, что Лжедмитрий II – ставленник польских интервентов, и испытав на себе тяжелые последствия

их владычества, русский народ поднялся на открытую борьбу против иноземных захватчиков. Уже в ноябре 1608 г. сразу в нескольких населенных пунктах Владимиро-Суздальского края вспыхнули восстания [1, № 110]. Данные летописи позволяют заключить, что народное сопротивление возникло стихийно, малыми группами; главными его участниками стали крестьяне и посадские люди. В декабре 1608 г. начались восстания в Гороховце, Шуе, в ряде сел Владимирского уезда. «Бог так устроил», – пишет «Новый летописец», – «вложить в черные люди единомыслие...» [Там же, с.100].

Верные Лжедмитрию II войска обладали несомненным военным превосходством по сравнению с неопытными в военном отношении, наспех собранными земскими ополчениями. Поначалу земские отряды терпели поражение за поражением, но они собирались вновь и вновь, чтобы нанести удары по польско-литовским интервентам. Постепенно освободительное движение охватывало все больше волостей Владимирского уезда и в конце марта 1609 г. приблизилось к Владимиру.

Как известно, с декабря 1608 г. одним из центров освободительной борьбы во всем Окско-Клязьменском крае становится Нижний Новгород. Во главе нижегородской рати воевода Алябьев пришел в Муром и оттуда послал во Владимир часть своих войск во главе с царскими воеводами Яковом Прокудиным, Андреем Микулиным, Федором Левашевым, князем Андреем

Болховским [1, № 222, 223, 225; 14, № 575, 569].

Правительственные войска подошли к Владимиру 27 марта 1609 г. Увидя их приближение, владимирцы подняли восстание. Как свидетельствуют источники, к выступлению посадских людей присоединились служилые люди: дети боярские и дворяне [14, № 570]. Они схватили служившего Лжедмитрию воеводу Михаила Вельяминова и выдали его повстанцам. Воеводу повели исповедоваться протопопу соборной церкви; после исповеди протопоп публично назвал Михаила Вельяминова врагом Русского государства. Его вывели на площадь и «всем миром» забили камнями до смерти. Владимирцы взяли в плен многих сторонников самозванца [9, с. 103; 10, с. 306 – 313; 14, № 570], затем отворили ворота города подошедшим отрядам и приняли присягу царю Василию Шуйскому.

После перехода на сторону московского царя города Владимира, еще ранее – 18 марта 1609 г. – Мурома, а затем и многих дворян Юрьева-Польского в ходе освободительного движения наступает явный перелом.

Во Владимире в это время стояла нижегородская рать, повстанцы из Арзамаса во главе с Федором Левашевым, из Кинешмы – во главе с Беляком Конагавицыным и астраханские казаки под руководством Богдана Износкова. Гарнизон Владимира пополнил и отряд из московских и астраханских стрельцов, присланный талантливым воеводой В. Шуйского – Федором Шереме-

тевым. Владимирцы намеревались развить успех и склонить на сторону московского правительства Суздаль. Архиепископ Галактион, суздальские и луховские дворяне планировали осуществить здесь переворот с приходом владимирцев.

В день Владимирского восстания часть дворян и детей боярских (владимирцев, муромцев и гороховлян), не желавших признавать власть московского царя, бежали из Владимира в Суздаль. Они-то и рассказали суздальскому воеводе о событиях во Владимире и о том, что там собрались значительные силы восставших и правительственных войск. Суздальский воевода Ф. Плещеев сразу же написал в Тушино Яну Петру Сапеге и юрьевскому воеводе Федору Болотникову, прося прислать помощь. В отписке гетману Сапеге он сообщал: «А сидят казаки и стрелцы в Володимере, астраханские и московские, которые были под Астораханью, на Балчике с Федором Шереметевым, сидят их семь сот человек вогневого бою, а головы у них в Володимере Ондрюшка Микулин, да Якушко Прокудин» [1, № 195]. Помощь вскоре подоспела: 29 марта верный Лжедмитрию воевода Болотников отправил из Юрьева-Польского роту польского пана Сумы, а через день в Суздаль прибыл присланный гетманом Сапегой Александр Лисовский с тремя тысячами казаков и полк Яна Стравинского, которые жестоко расправились с заговорщиками.

2 апреля 1609 г. тушинские войска, к которым присоединились воево-

да Ф. К. Плещеев и А. Просовецкий с местными дворянами, отправились из Суздаля под Владимир. Они подошли к городу 3 апреля – как раз в тот момент, когда владимирские, нижегородские и казанские отряды открыли ворота и отправились в наступление на Суздаль. Тушинцы напали столь неожиданно, что земцы не успели даже выстроиться в боевые порядки и были смяты. Многие погибли, другие скрылись за стенами города [15, № 570].

9 марта гетман Сапега перебрал полк Александра Лисовского в Ярославль, где произошло народное восстание [1, № 195]. После ухода Лисовского Плещеев и Просовецкий совсем отчаялись вернуть Владимир на сторону Лжедмитрия. Они сообщали гетману, что у них в Суздале остались всего шесть рот поляков и 200 казаков во главе с Мартыном Собельским, что у них нет пушек и снарядов, с которыми они могли бы пойти под Владимир, и просили «...наряду, пушек и зелья, и верхового наряду, чем бы город зажечи...» [Там же].

Пока тушинцы раздумывали, как вернуть восставший город, владимирцы развернули активную деятельность по приведению на сторону московского правительства соседних городов и волостей. Об этом писал и сам царь Василий Шуйский в грамотах, адресованных жителям Владимира. Красочно описывая (может быть, с некоторым преувеличением) успехи правительственных войск, царь просил владимирцев написать в Суздаль, Юрьев-Польский и другие города, агитируя

население «отстать от вражьей прелести» [1, № 221, 224]. Эта агитация и военные успехи воевод В. Шуйского заметно влияли на настроение масс, находившихся под властью тушинцев, и способствовали подъему земского движения на более высокий уровень.

Однако Суздаль, как и Юрьев-Польский, еще довольно долго оставался оплотом тушинской власти во Владимирском крае. У владимирцев не хватало сил, чтобы занять эти города, хотя в течение апреля и мая 1609 г. владимирцы успешно отражали атаки поляков.

Отряды земских ополчений из Владимира периодически совершали наступления на Суздаль, и Сапега вынужден был предпринимать меры по укреплению Суздальского гарнизона. 14 июня 1609 г. при очередной попытке захватить Суздаль владимирцы вновь потерпели поражение. На следующий день Федор Плещеев, Андрей Просовецкий и ротмистр Сума, преследуя противника, подошли к стенам Владимира и устроили засаду: Просовецкий и Сума с войсками укрылись неподалеку в лесу – «в роще, в Кузянке у посаду», а по другую сторону от Красного села стал отряд Ф. Плещеева. Владимирцы, выйдя из города, атаковали Плещеева, но в это время сзади на них напали Сума и Просовецкий. На этот раз тушинцам удалось разбить земцев и «втоптать» их в город. Часть владимирцев отступила к Клязьме, «и многие в реке потонули». В город тушинцы войти не решились, ограни-

чившись поджогом посада. От этого пожара выгорела большая часть города, однако на требование сдаться защитники Владимира ответили категорическим отказом [1, № 235].

Владимирцы возлагали большие надежды на рать Ф. Шереметева, под началом которого было примерно 3500 человек (эти данные приводит Просовецкий, но он, вероятно, несколько преувеличивает численность войск Шереметева). С приходом этих сил изпод Астрахани положение Владимира должно было значительно упрочиться. Однако Ф. Шереметев, также как ранее другой воевода Шуйского – Алябьев, отправился из Нижнего Новгорода сначала в Муром. В. Шуйский требовал, чтобы Ф. Шереметев скорее шел из Мурома во Владимир, а потом к Троице-Сергиеву монастырю [Там же, № 226], который уже много месяцев находился в осаде. Шереметев же, который лучше представлял себе обстановку в Муромском уезде, не торопился. Из Мурома он отправился под Касимов и взял этот город, бывший прочной опорой Лжедмитрия в Муромском крае. В начале августа он одержал крупную победу над войсками крымского хана Ураз-Магмета в десяти верстах от Мурома [21, с. 400] и лишь после этого отправился во Владимир.

Как сообщает летописец, из Владимира в конце августа Шереметев ходил под Суздаль, но потерпел там поражение от Александра Лисовского и вынужден был отступить [9, гл. 142;

21, с. 483]. Таким образом, даже после воссоединения сил своей основной рати с передовым отрядом во Владимире Федор Шереметев не смог овладеть Суздалем. Этот город все еще оставался прочным опорным пунктом тушинской власти во Владимирском крае, и Петр Сапега придавал большое значение его укреплению.

У Ф. Шереметева не было достаточного перевеса сил для того, чтобы очистить Замосковский край от интервентов, и он вынужден был сидеть во Владимире, ожидая прихода князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского – самого талантливого полководца, не знавшего поражений. Остальные воеводы, послушавшись приказа царя Василия Шуйского, также не рискнули идти под Троице-Сергиев монастырь и долгое время оставались во Владимире.

Опираясь на земское движение, воеводы В. Шуйского в октябре 1609 г. заняли Александрову слободу. Последним весной 1610 г. был освобожден Суздаль – после того, как его оставил отряд под командованием печально известного А. Лисовского. Закончился второй этап Смуты.

В последующем земское движение поднялось на новую, более высокую, ступень. Наши земляки участвовали и в первом, и во втором ополчениях, действовавших под руководством нижегородского посадского старосты Кузьмы Минина и суздальского князя Дмитрия Пожарского.

Библиографические ссылки

1. Акты исторические : в 5 т. СПб., 1842. Т. 2.
2. Буссов К. Московская хроника. М. – Л., 1961. 398 с.
3. Зимин А. А. Вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 97 – 113.
4. Ключевский В. О. Курс русской истории : в 5 ч. М., 1908. Ч. 3. 488 с.
5. Кобрин В. Б. Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. С. 163 – 179.
6. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. 393 с.
7. Кузьмин А. Г. История России с древнейших времен до 1618 г. : в 2 т. М., 2003. Т. 2. 464 с.
8. Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (20 – 21 октября 2006 г.). Н. Новгород, 2007. 495 с.
9. Новый летописец. М., 1853. 190 с.
10. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве. XVI – XVII вв. М., 1937. 470 с.
11. Попов А. Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции. 1869. 541 с.
12. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. 326 с.
13. Скрынников Р. Г. Спорные проблемы восстания Болотникова // История СССР. 1989. № 5. С. 92 – 110.
14. Смирнов А. В. Материалы для истории Владимирской губернии : в 4 вып. Владимир, 1906. Вып. 4. 450 с.
15. Смирнов И. И. Восстание И. И. Болотникова 1606 – 1607 гг. М. ; Л., 1951. 588 с.
16. Смутное время: итоги и уроки : сб. материалов Второй всерос. науч. конф. Иваново – Кохма – Шуя. 20 – 22 апр. 2012 г. Иваново, 2012. 437 с.
17. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 т. Кн. 4. Т. 8. М., 1960. 674 с.
18. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. : Казачество на переломе истории. М., 1990. 270 с.
19. Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. 686 с.
20. Шамагонов Ф. Ф. Смутное время в Российском государстве в XVII в. М., 1994. 431 с.

21. Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608 – 1610 гг. Пятигорск, 1957. 555 с.

22. Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. 416 с.

E. M. Petrovicheva

VLADIMIR-SUZDAL REGION DURING THE TIME OF SMUTA

Celebrating National Unity Day on November 4, we must understand the meaning of this relatively new holiday, which was chosen as a symbol of the unification of all citizens of the country. It was not immediately understood by many of our compatriots, since it is connected with seemingly distant events more than four centuries ago. The presented article analyzes the causes and essence of the Smuta and examines the events that unfolded on the territory of the Vladimir-Suzdal region at its second stage, associated with the name of False Dmitry II. The predatory policy of the Tushino government and the beginning of the zemstvo movement to liberate the country from foreign invaders are shown.

Keywords: Smuta, civil war, foreign intervention, Tushino government, zemstvo liberation movement.

УДК 356.15.929

А. Б. Соловьёв

КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА ТВОРОГОВА

Статья посвящена неизвестным страницам биографии уроженца Владимирской области лейтенанта государственной безопасности Александра Фёдоровича Творогова, первого начальника разведки партизанского отряда «Победители». А. Ф. Творогов погиб 3 июня 1942 года в неравном бою с фашистскими карателями и их пособниками в районе г. Житомира.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, НКВД СССР, партизанский отряд, разведка.

В «Книге памяти» Владимирской области в списке погибших в боях за Родину уроженцев Петушинского района о нем написано всего три строчки: «Творогов Александр Фёдорович, род. 1916, д. Дровново Петушинского р-на. Лейт. Погиб в бою 3 июня 1942» [2, с. 347].

Однако жизнь и смерть Александра Творогова достойны того, чтобы рассказать о нем подробнее. Представим его: лейтенант государственной безопасности Творогов Александр Федорович, первый начальник разведки разведывательно-диверсионной резидентуры (РДР) № 4/190 «Победители» 4-го Управления НКВД СССР, которая больше известна как партизанский отряд под тем же наименованием, командиром которой был Герой Советского Союза полковник госбезопасности Дмитрий Николаевич Медведев. До конца 1980-х гг. подобные формирования в открытой печати назывались исключительно партизанскими отрядами, их принадлежность к НКВД-НКГБ СССР не упоминалась, а специальные звания командиров приводились в армейском эквиваленте.

А теперь – штрихи биографии Александра Творогова. Именно штрихи, поскольку сведения о его довоенной биографии немногочисленны. Поэтому данный материал собран из упоминаний о нем в различных источниках и отдельных документах из фонда музейного образования «Музей истории органов безопасности во Владимирской области».

Александр родился 19 сентября 1916 г. в деревне Дровново Болдинской волости Владимирского уезда Владимирской губернии. Сегодня эта деревня входит в Пекшинское сельское поселение Петушинского района. Третий ребенок в обычной крестьянской семье, еще четверо братьев и сестер –

младшие. Отец, Федор Михайлович, кроме сельского хозяйства, занимался обычным для этих краев отхожим промыслом – плотничал; после Октябрьской революции шесть лет был председателем сельсовета. В 1928 г. отец умер. Семеро несовершеннолетних детей, младшему из которых, Федору, было всего два года, остались на попечение матери, Анастасии Андриановны.

После смерти отца тринадцатилетний Саша, окончив начальную сельскую школу и поработав в колхозе, в августе 1931 г. поступил в школу ФЗУ при Костеревской катушечно-челночной фабрике, где получил специальность токаря по дереву. В сентябре 1934 г. способный и активный деревенский паренек по направлению от фабрики поступает на рабфак Московского кредитно-экономического института Госбанка СССР – стране очень нужны были свои, рабоче-крестьянские квалифицированные кадры. Обучаясь на рабфаке, он вступает в комсомол и через два года избирается комсоргом группы.

В 1937 г., окончив рабфак, Александр Творогов поступает на общеэкономический факультет института. Перспектива стать дипломированным экономистом для настойчивого и аккуратного Саши Творогова казалась вполне осуществимой. Но судьба распорядилась по-другому.

1 марта 1938 г. по мобилизации Московского комитета ВКП(б) Александр Творогов направлен в Москов-

скую межкраевую школу Главного управления государственной безопасности НКВД СССР.

«Партнаборы» – именно так называли тогда мобилизацию коммунистов и комсомольцев на работу в органы безопасности – должны были восполнить убыль сотрудников в результате регулярно проводившихся в НКВД «чисток». Судить об их обоснованности и эффективности – не тема данной статьи, просто констатируем тот факт, что Александр Творогов стал сотрудником органов безопасности именно на этой волне. Стоит отметить лишь то, что по партнаборам в органы подбирали прежде всего убежденных и преданных коммунистов. Творогова отнести к этой категории можно с полной уверенностью.

Курсант Московской межкраевой школы ГУГБ НКВД СССР А. Творогов. Март 1938 г.

За неполный год обучения в Московской межкраевой школе курсант Творогов приобрел необходимые в чекистской работе знания и практические навыки по уголовному праву и процессу, оперативно-разыскной и следственной работе. Новое направление своей деятельности Александр воспринял с присущими ему интересом, старанием и тщательностью.

В январе 1939 г. сержант госбезопасности Творогов приступает к работе младшим следователем в Московском Управлении НКВД. Незадолго до этого, 17 ноября 1938 г., Совнарком и ЦК ВКП(б) издали совместное постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое положило конец «недостаткам и извращениям» времен Н. И. Ежова.

Сержант госбезопасности А. Ф. Творогов. 1940 г.

«Придавая особое значение правильной организации следственной работы органов НКВД, обязать НКВД СССР обеспечить назначение следователями в центре и на местах лучших, наиболее проверенных, политически

зарекомендовавших себя на работе квалифицированных членов партии» [5, с. 7]. В числе таковых оказался и кандидат в члены ВКП(б) А. Ф. Творогов. Но в Московском Управлении НКВД он прослужил недолго.

Международная обстановка конца 1930-х гг. требовала постоянного укрепления и совершенствования Вооруженных Сил СССР. Неотвратимо надвигалась новая мировая война.

Переход от территориально-кадровой к полностью кадровой армии, увеличение ее численности, поступление в войска новых видов вооружения влекли за собой и усиление органов безопасности в войсках – Особых отделов. Так, сержант госбезопасности Творогов в сентябре 1939 г. становится оперуполномоченным Особого отдела НКВД 137-й стрелковой дивизии Московского военного округа, а в июне 1940 г. – старшим оперуполномоченным Особого отдела НКВД 21-го стрелкового корпуса, сформированного за два года до этого и расквартированного в Гороховецких лагерях. В ходатайстве о назначении А. Творогова на должность старшего оперуполномоченного руководства Особого отдела корпуса особо отметило его добросовестность и опыт работы.

В июне 1941 г. 21-й стрелковый корпус начал передислокацию к западным границам СССР, в Белоруссию. Руководство СССР, прекрасно осознавая, что война с гитлеровской Германией вот-вот начнется, принимало меры к усилению западных округов.

Роковой в жизни страны день 22 июня 1941 г. Особый отдел вместе с управлением 21-го стрелкового корпуса встретил на короткой остановке в Витебске, части корпуса находились в движении к предписанным местам дислокации. Уже через несколько дней

упорных боев с гитлеровцами части корпуса почти полностью израсходовали имевшийся боекомплект, связь управления корпуса с полками и дивизиями была потеряна. 29 июня управление корпуса оказалось в полном окружении немецких войск.

3 июля управление корпуса с частями 37-й и 24-й стрелковых дивизий предприняло попытку вырваться из окружения в 50 км восточнее г. Минска. При прорыве погиб командир корпуса В. Б. Борисов.

После гибели комкора Борисова остатки войск и управления корпуса выходили порознь, отдельными подразделениями. Большая часть офицеров и красноармейцев 15 – 17 июля близ г. Осиповичи Могилевской области были взяты в плен. Только отдельным группам удалось пробиться к своим [6].

Одной из таких стала группа, которую возглавил Александр Творогов. 13 июля он, не бросив оружия и не сорвав знаков различия, собрал вокруг себя красноармейцев, готовых пробиваться на восток для соединения с частями Красной Армии.

Отряд сержанта госбезопасности Творогова продвигался, уничтожая по пути живую силу и технику врага, и во второй половине сентября соединился с действовавшим в брянских лесах спецотрядом НКВД СССР «Митя» под командованием капитана госбезопасности Д. Н. Медведева. Так произошло первое знакомство Александра Творогова со своим будущим командиром.

Для того чтобы дать представление о зафронтовой работе органов безопасности в военные годы, сделаем небольшое отступление.

С началом Великой Отечественной войны для организации и руководства разведывательно-диверсионной работой в тылу германской армии на оккупированной советской территории была сформирована Особая группа при наркомате НКВД СССР под руководством старшего майора госбезопасности Павла Анатольевича Судоплатова, имевшего личный опыт закордонной работы с нелегальных позиций. Его первым заместителем стал много лет проработавший в качестве нелегала во многих странах Европы, Азии и Америки майор госбезопасности Леонид (Наум) Александрович Эйтингон. 3 октября 1941 г. Особая группа была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел, а в начале 1942 г. – в 4-е Управление НКВД СССР.

Управление развивало новую форму работы во вражеском тылу – заброску специально подготовленных опергрупп, возглавляемых профессиональными разведчиками. Некоторые группы специализировались на диверсиях на железных дорогах, другие – в сборе военной информации. Работали они весьма результативно, к тому же обычные методы немецкой контрразведки и карателей против таких групп оказывались малоэффективными. В состав некоторых групп предполагалось включать индивидуально подготовленных, законспирированных разведчиков, способных про-

никать непосредственно в среду оккупантов.

Для подготовки опергрупп спешно формировалась отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР – ОМСБОН. Ядро бригады, ее командный состав составили опытные чекисты, преподаватели специальных школ и военных академий, командиры внутренних и пограничных войск.

Первый экзамен на зрелость бойцы и командиры ОМСБОН сдавали в осенних и зимних боях на подступах к Москве. Одними из первых были 33 бойца партизанского спецотряда «Митя», а точнее, РДР № 4/70 под командованием Д. Медведева. Районом действия отряду определили одно из важнейших стратегических направлений наступления немецких войск на Москву – Брянщину.

Отряд ушел за линию фронта 7 сентября 1941 г. и вернулся обратно 12 января 1942 г. При этом численность отряда выросла в десять раз. Среди присоединившихся к отряду была и группа бойцов, вышедших из окружения под командованием А. Ф. Творогова. Д. Н. Медведев, учитывая опыт и подготовку Творогова, назначил его начальником разведки спецотряда. И не ошибся в выборе. Александр оказался не только отважным воином, но и проявил незаурядные способности разведчика.

Спецотряд «Митя» много сделал для срыва наступления немцев на Москву и последующего их разгрома. Была собрана и передана в Центр для

верховного и фронтового командования Красной Армии важная информация. Наиболее серьезными из полученных данных были сведения о мероприятиях немецкого командования по обеспечению наступления на Москву, а затем по срыву его попыток ликвидировать последствия разгрома, информация о скоплении в конце декабря в Брянске, Орджоникидзеграде (ныне Бежица), Жиздре, Жуковке и других пунктах войск и танков противника, о передвижении в тот же период в сторону Рославля, Смоленска, Брянска и Гомеля потрепанных под Москвой частей противника; о подвозе большого количества горючего из Гомеля в Брянск; о происходящих значительных погрузках военной техники в эшелоны на станции Брянск-II; о спешном строительстве немцами сильных укреплений на восточных окраинах Брянска, Орджоникидзеграда, Белых Берегов, в поселках Городище и Урицкий, по западным берегам рек Десна и Болва, у шоссе и железных дорог и мостов (в Москву были отправлены схемы и характеристики строящихся укреплений, их вооружения) и т. п.

Кроме получения разведывательной информации Александру Творогову удалось своевременно выявить и обезвредить немецкую агентуру, внедренную в спецотряд «Митя» – пригодился опыт работы в Особом отделе. И это не было проявлением «шпиономании»: немецкие разведорганы массово и достаточно се-

рьезно готовили агентуру для борьбы с партизанами в нескольких спецшколах на оккупированной территории.

*А. Ф. Творогов.
Апрель 1942 г.*

За 120 дней в тылу врага партизаны-медведевцы провели свыше 50 боевых операций, взорвали три вражеских эшелона, уничтожили двух генералов, семнадцать старших офицеров, свыше четырехсот солдат и офицеров (не считая убитых при взрыве эшелонов), подбили и сожгли девять самолетов, большое количество автомашин, взорвали семь шоссе и три железнодорожных моста, несколько промышленных предприятий, захватили большое количество трофейного оружия и т. п. [1, с. 140 – 141].

Прибыв вместе со спецотрядом Д. Н. Медведева в Москву, А. Ф. Творогов зачисляется в распоряжение 4-го Управления НКВД СССР. За боевые заслуги в отряде его награждают орденом Красного Знамени.

В апреле 1942 г. А. Ф. Творогов снова направляется во вражеский тыл, успешно обеспечивает переброску очередной спецгруппы. В конце апреля ему присваивается специальное звание «лейтенант госбезопасности».

При этом Александр Творогов отнюдь не выглядел этаким «суперме-

ном». Д. Н. Медведев в своей книге «Сильные духом» так описывает Александра Творогова:

«Утром следующего дня в номере гостиницы «Москва», где я тогда жил, появляется Саша Творогов. С ним мы знакомы по брянским лесам. Саша еще очень молод, ему немногим больше двадцати, выглядит он и того моложе. Он в новом летнем обмундировании, которое ему не по росту и топорщится. Стриженный под машинку, с пухлым юным лицом, успевшим уже загореть. Саша похож на школьника или, вернее, на юношу – воспитанника воинской части. Кто бы сказал, что у этого юноши за плечами опыт бывшего партизана! ... Желание казаться старше выработало у Саши привычку морщить лоб и какую-то особую сдержанность» [3, с. 10].

9 апреля 1942 г. Д. Н. Медведева назначают командиром РДР «Победители», которой предстояло решать разведывательные задачи особой важности в городе Ровно.

Из 100 командиров и бойцов, включенных в состав опергруппы, более 80 человек было отобрано из ОМСБОН, в том числе 12 бойцов из спецотряда «Митя». Начальником разведки отряда по представлению Д. Н. Медведева руководство 4-го Управления НКВД СССР назначило двадцатипятилетнего лейтенанта госбезопасности Александра Творогова.

Остальные бойцы, зачисленные в РДР «Победители», были оперативниками и радистами. В группу также был включен Николай Василь-

евич Грачев – под этим именем знали в отряде Николая Ивановича Кузнецова, впоследствии удостоенного звания Героя Советского Союза (посмертно).

Заброска «Победителей» должна была проходить в конце мая – июне 1942 г. в несколько этапов. Первым должно было лететь звено из 14 человек под командованием Александра Творогова. Задача: приземлиться в Мозырских лесах, вести разведку, сообщать обстановку, подобрать посадочную площадку для приема всего отряда.

Поздно вечером 29 мая 1942 г. звено А. Творогова вылетело с подмосковного аэродрома в Подлипках. На точке выброса были в полночь с 29 на 30 мая.

Двое суток со дня выброски с Твороговым была нормальная связь. Он сообщил, что идет к намеченному месту. Затем связь прекратилась. Стало ясно, что с группой случилась беда.

Отрывочные сведения о судьбе звена Творогова Медведев стал получать уже после высадки основной части отряда, в пути следования к месту назначения. Подробности же гибели группы Творогова стали известны только после войны, в ходе открытого судебного процесса в Черняховском районе Житомирской области над пятью изменниками-полицаями.

Вместо Мозырских лесов звено Творогова приземлилось в районе Соколовой Горы (ныне район г. Житомира) и залегли в карьере, организовав разведку. Оказалось, они находятся в

трехстах километрах от условленного места сбора – сказались несовершенство навигационных авиаприборов и малый опыт ночных полетов у летчиков.

Ближе к вечеру 30 мая, сориентировавшись на местности, десантники покидают окраины Житомира в северо-западном направлении.

Перед рассветом 31 мая десантники залегают на привал в ржаном поле. В Центр уходит радиограмма:

«Высадились возле Житомира. К месту назначения более трехсот километров. За ночь преодолели двадцать. Сделаю всё, чтобы встретиться в Мухоедах. Внимание – разведанные. Сообщаю расположение вражеских складов горючего и скопления танков...»

Высидев в поле до сумерек, десантники отправляются во второй марш-бросок. В пути распознают в ночном небе советский бомбардировщик и слышат взрывы – это по их разведанным в Житомире бомбят склады с топливом и танковую группу.

На рассвете звено Творогова останавливается на дневной привал в деревушке Торчин. Творогов намерен пересидеть еще один день, а ночью совершить марш-бросок до Турчинецких лесов, где будет легче и безопаснее.

В Центр уходит вторая радиограмма:

«Остался еще один ночной переход. В двадцати километрах начнется леса...»

Связь оборвалась и больше уже не возобновлялась. Группа Творогова вступила в свой последний бой. Спасти удалось только двоим – испанцу

Северино Бургенио и Филиппу Куренному. А. Ф. Творогов в самом начале боя был тяжело ранен, но, пока мог, продолжал сопротивление и живым врагам не сдался.

Эти трагические события подробно изложены в вышедшей в 1979 г. на украинском языке книге Николая Курильчука «Десант капитана Творогова» [4]. Книга специального корреспондента газеты «Советская Житомирщина» основана на воспоминаниях оставшегося в живых бойца группы А. Творогова Ф. И. Куренного, материалах судебного процесса над участниками того боя – предателями-полицаями, рассказах очевидцев. Книга уже стала раритетом, но имеется в свободном доступе в электронном виде в переводе на русский язык [7], поэтому пересказывать ее нет смысла. Главное – десантники на предложение сдаться ответили отказом и не менее шести часов отражали атаку превосходящих сил карателей.

В декабре 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.1943 г. № 215/271 капитан госбезопасности¹ Творогов Александр Федорович был награжден орденом Отечественной войны I степени (посмертно).

¹ С 1937 по 1942 г. специальное звание «лейтенант госбезопасности» соответствовало капитану РККА. В 1943 г. наименования и знаки различия специальных званий госбезопасности унифицированы с принятыми в РККА. Публикации, в которых А. Ф. Творогов именуется капитаном, базируются на упомянутом Указе ПВС СССР, в котором его специальное звание приведено в соответствии с прошедшей унификацией.

Останки А. Ф. Творогова и погибших вместе с ним десантников покоятся в братской могиле в с. Селище Черняховского района Житомирской области. Сохранилась ли их могила в настоящее время – сказать сложно, сейчас на Украине совсем другие георой. Недоступны для изучения и ма-

териалы следствия по делу об изменниках, выдавших группу Творогова оккупантам, – оно хранилось в архиве УКГБ УССР по Житомирской области.

А вот быть увековеченным на своей малой родине Александр Творогов, бесспорно, достоин.

Библиографические ссылки

1. Гладков Т. С места покушения скрылся... М. : Гея, 1998. 400 с.
2. Книга Памяти : в 8 т. / сост. А. Александров [и др.]. Владимир : Золотые ворота, 1994. Т. 6. 372 с.
3. Медведев Д. Сильные духом. К. : Политиздат Украины, 1983. 439 с.
4. Курильчук М. Десант капитана Творогова. К. : Політвидва України, 1979. 120 с.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. В 8 т. Т. 1. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 – декабрь 1940 г.). М. : Книга и бизнес, 1995. 464 с.
6. 21-й стрелковый корпус (1-го формирования) [Электронный ресурс]. URL: https://www.wikiznanie.ru/wp/index.php/21-й_стрелковый_корпус (дата обращения: 27.06.2023).
7. Десант капитана Творогова [Электронный ресурс] // Вспомнить всё... URL: https://sherstyukaleks.blogspot.com/2019/04/blog-post_70.html (дата обращения: 28.07.2023).

A. B. Solovyov

THE SHORT LIFE OF ALEXANDER TVOROGOV

The article is devoted to unknown pages of the biography of State security lieutenant Alexander Fedorovich Tvorogov, a native of the Vladimir region, the first chief of intelligence of the partisan detachment "Winners". A.F.Tvorogov died on July 3, 1942 in an unequal battle with fascist punishers and their accomplices in the area of Zhytomyr.

Keywords: Great Patriotic War, NKVD of the USSR, partisan detachment, intelligence.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ О ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВЕ М. ГОРЬКОГО

Статья посвящена анализу литературно-критических работ писателей русского зарубежья, посвященных личности и творчеству М. Горького и опубликованных в нашей стране в конце 80-х – начале 90-х годов XX века. В статье представлены некоторые из очерков этого интересного и значительного критического наследия, а именно: воспоминания Г. Адамовича, В. Ходасевича, Ю. Айхенвальда, А. Ремизова и Е. Замятина, которые отражают раскол в русской литературе и культуре после Октябрьской революции.

Ключевые слова: литературная критика, русское зарубежье, эмиграция, М. Горький, революция, очерк.

Творчество крупнейшего писателя XX века М. Горького в течение длительного времени рассматривалось в русле традиционного советского литературоведения как родоначальника литературы социалистического реализма (см. исследования Б. А. Бялика, А. А. Волкова, Б. В. Михайловского, К. Д. Муратовой, А. И. Овчаренко и др.). В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия началась переоценка творчества многих писателей и поэтов советского периода русской литературы, в том числе и М. Горького. Были попытки «сбросить с парохода современности» или умалить значение творчества В. Маяковского, А. Н. Толстого, М. Шолохова, А. Фадеева и других мастеров слова. Этот процесс по дискредитации сложившихся репутаций не принес ожидаемых результатов,

талантливые писатели и поэты сохранили и свое место, и большую роль в истории русской литературы. Однако в качестве плюса следует отметить, что в наше литературоведение на законных правах вошла литературная критика русского зарубежья.

Изучение русской литературы XX века в школе и вузе сегодня трудно представить без привлечения литературной критики русской эмиграции: трудов Г. Адамовича, В. Ходасевича, Ф. Степуна, К. Мочульского, Г. Федотова и многих других исследователей, без которых картина отечественной литературы минувшего века была бы неполной. Один из ведущих критиков русского зарубежья Г. Адамович в своей программной статье «Одиночество и свобода» (1955) писал, что русское достоинство, неразрывно связан-

ное с существованием литературы в эмиграции, оказалось спасено. По его словам, литература эмиграции из тяжелого исторического испытания вышла с честью, многое было сделано, многое найдено, и когда-нибудь Россия это признает и в полной мере оценит. Эмигрантская литература, как подчеркивал Г. Адамович, осталась литературой христианской по своему существу, характеру и продолжила традиции отечественной классики в тяжелейших условиях отрыва от родной почвы, без какой-либо поддержки и опоры. Эта высокая оценка может быть отнесена и к литературной критике русского зарубежья, возвращение которой на родину началось в конце 80-х годов прошлого века.

Современное прочтение русской литературы XX века, благодаря исследованиям наших соотечественников за рубежом, позволяет по-новому взглянуть на привычные концепции, более объективно оценить достоинства отечественной литературы. Лучшие критические работы писателей и исследователей русского зарубежья содержали глубокий историко-литературный, философский контекст, позволяющий избавиться от распространенных литературоведческих стереотипов, особенно в связи с творчеством «хрестоматийных» писателей, к числу которых в первую очередь относится М. Горький.

Как уже было отмечено, творчество М. Горького в конце XX века неоднократно и радикально пересматривалось, причем не всегда в пользу

большой объективности. На смену официальному горьковедению, традиционным исследованиям советского периода пришли нигилистические оценки, часто перечеркивающие все творческое наследие великого русского писателя, за исключением некоторых произведений (ранние романтические рассказы, пьеса «На дне», книга очерков «Несвоевременные мысли»). Профиль М. Горького в 1990-е годы был убран с логотипа «Литературной газеты» в связи с наметившейся переоценкой ценностей в литературе и только в 2004 году был возвращен. Подобное горьковедение стало проявлением внеисторического и нередко внеэстетического подхода, заранее обреченного на очередной пересмотр в зависимости от идеологической конъюнктуры.

Литературную критику русского зарубежья трудно назвать беспристрастной, многие труды написаны с враждебных М. Горькому идеологических позиций, нередко политические оценки преобладают над объективным восприятием произведений и личности писателя. Критические очерки Г. Адамовича, М. Алданова, Б. Зайцева, В. Ходасевича, Ю. Айхенвальда и других эмигрантов содержат немало «горьких» упреков в адрес «первого пролетарского» писателя и «основоположника социалистического реализма», но в то же время нередко они проникнуты стремлением оценить творчество М. Горького с позиций общепринятых этических и эстетических критериев, в контексте отечественной

и мировой литературных традиций. Эти исследования развенчивают некоторые мифы советского горьковедения, отдавая при этом вольно или неволью дань уважения большому художнику. Как писал М. Ю. Лермонтов в предисловии к роману «Герой нашего времени»: «Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины».

В. Ходасевич в очерке «Горький» (1936), опубликованном впервые в нашей стране в 1989 году, назвал писателя упорным поклонником и создателем возвышенных обманов, подчеркивая романтическую природу его таланта, что обусловлено как особенностями личности, биографии, так и литературно-эстетическими тенденциями Серебряного века. Эстетическая концепция В. Ходасевича проникнута стремлением понять и отчасти объяснить сложность и противоречивость творчества М. Горького. С этой концепцией можно не соглашаться, но она позволяет по-новому взглянуть на многие произведения писателя, прежде всего на пьесу «На дне», в основу которой, с точки зрения критика, положен традиционный романтический конфликт, осложненный философскими исканиями автора и приходящий в известное противоречие с реалистической тенденцией пьесы. Стоит отметить, что и по сей день горьковедение не имеет единой точки зрения на эту сложную драму, одно из лучших произведений русской драматургии XX столетия.

По мнению В. Ходасевича, правда и ложь – главная тема не только пьесы «На дне», но и всего творчества М. Горького, всей его жизни. Пьеса поэтому и стала вершиной горьковского наследия, потому что в ней наиболее остро и в то же время противоречиво проявилась эта главная тема. Критик писал, что положительного героя – резонера Сатина – Горький наделил своей официальной идеологией («Человек! Это – великолепно! Это звучит гордо!»), а отрицательного – Луку – своим живым чувством любви и жалости к людям. С точки зрения критика, в этом и заключается главное противоречие пьесы, личности и судьбы самого писателя.

М. Горький, пишет В. Ходасевич, про себя знал, что это может звучать иначе – горько; вся жизнь писателя была пронизана жалостью к человеку, его безысходной судьбе, поэтому так велика была его вера в спасительную силу творческой энергии, в способность преодоления враждебной действительности. Более того, критик утверждал, что сквозь все революционное движение в России Горький прошел создателем иллюзий, «лукавым странником», как и его герой из пьесы «На дне» Лука. Романтическая природа мировоззрения Горького, по мнению В. Ходасевича, явилась одной из причин его трагической судьбы; поздно прозревший писатель старался скрыть от себя весь трагизм своего положения «при помощи новых иллюзий, новых возвышающих обманов, кото-

рые он так любил и которые в конце концов его погубили» [7].

Один из ведущих критиков русской эмиграции Г. Адамович в своем очерке «Максим Горький» (1936) отмечал высочайший не только художественный, но и моральный авторитет писателя и сожалел о его падении. По словам критика, М. Горький был у самой черты духовного величия, однако не удержался на этой высоте и потерпел «ужасное крушение» в конце своего жизненного и творческого пути в связи с тесным сотрудничеством с большевистской властью. Для Г. Адамовича Горький – это «незажившая рана», потому что речь идет о судьбе подлинного таланта. Критик отмечает самую значительную черту писателя – наличие исключительной натуры, самобытной и щедрой личности, что и стало первоисточником творчества. Г. Адамович признавал, что с приходом такой личности мир изменился, и это утверждение является высокой похвалой М. Горькому. Непреходящее значение творчества М. Горького, как считал критик, заключается в обращении к важнейшим философским проблемам, к мучительному и трагическому вопросу о положении человека в мире как в рамках национально-исторических, так и вневременных, вечных, поэтому как писатель-философ М. Горький продолжает традиции Ф. Достоевского.

Г. Адамович отмечал: «Как бы ни был Горький мягкосердечен или даже сентиментален в повседневной жизни, в творчестве он суров и жесток.

Вдохновение осеняет его только перед лицом зла, и ни один русский писатель не оставил галереи типов, подобной горьковской, галереи, от которой сжимается сердце! <...> Место Горького в русской литературе – в окружении того писателя, которого он ненавидел: около Достоевского» [1, с. 39]. Горького сближает с великим предшественником пристальный интерес к трагическому в жизни, к неприкрашенному изображению человеческого страдания, непреходящего человеческого одиночества. Правда, в отличие от Достоевского, творчество писателя XX века не имеет просветляющего характера, что обусловило «замкнуто-трагическую, безысходную атмосферу» его книг, отсутствие света в его творчестве. Подобное заключение противоречит традиционным воззрениям известных российских горьковедов (см. выше) о жизнеутверждающем, оптимистическом пафосе произведений М. Горького. Как бы предвидя упорное стремление приукрасить личность и «выпрямить» творческий путь художника в Советской России, Г. Адамович предостерегал: «Кто утверждает, что в судьбе Горького все законно, естественно и даже прекрасно, служит памяти его очень дурную службу» [Там же, с. 40].

Критический характер носят очерки и статьи Ю. Айхенвальда, автора знаменитых «Силуэтов русских писателей». Для критика-импрессиониста творчество М. Горького (см. очерк «Максим Горький») изначально является глубоко враждебным; он упрекает

писателя в излишнем резонерстве, морализаторстве и дидактизме, отсутствии лиризма. Он критиковал писателя и его героев за вечное искание правды, за «тоску по совести». [3, с. 451]. То, что в работах Г. Адамовича, Д. Мережковского, В. Ходасевича и других утверждается как достоинство горьковских произведений, с точки зрения автора «Силуэтов русских писателей» является недостатком.

Ю. Айхенвальд подвергает резкой критике и романтический вымысел, романтическое преображение жизни и человека в мире Горького (особенно босяка как главного героя ранних произведений), полагая, что автор не достиг необходимой гармонии между реальностью и романтикой, жизнь исказил «сочинительством». Правда, Ю. Айхенвальд признает определенные достоинства произведений прославленного писателя, прежде всего горьковский гуманизм, способность М. Горького увидеть настоящих людей в босяках, напомнить обществу о погибших и погибающих. Особенно ярко гуманизм Горького проявился, как пишет Ю. Айхенвальд, в пьесе «На дне», где автор стремился показать прежде всего духовные (а не только социальные и материальные) причины гибели героев.

В целом негативная оценка критика вызвана пониманием огромной роли М. Горького не только и не столько в истории русской литературы, сколько в истории русского общества, которое, по его мнению, представляет собой иллюстрацию к произ-

ведениям писателя, подготовившего русскую революцию. Ю. Айхенвальд писал в статье 1918 года в связи с 50-летним юбилеем Горького: «Подарок всех подарков – правда. И оттого в день знаменательный не только для Горького, но и для России, в день отрадный, потому что немало хорошего принесло родной литературе рождение такого литератора, как Алексей Максимович Пешков, многозначительно переименовавший себя в Горького, – в этот день особенно приличествует сказать ту правду, что из двух основных убеждений и упований нашего писателя, его веры в социализм и его веры в пролетария, не оправдалось ни то, ни другое. <...> И его, Горького, горечи есть капля в той горькой чаше, которую пьет нынче наша Россия» [4].

Известный русский писатель Серебряного века, историк и критик литературы А. Ремизов также не обошел вниманием личность и творчество М. Горького. В отличие от многих критических оценок русских писателей, оказавшихся в эмиграции, А. Ремизов не изменил своего отношения к М. Горькому, несмотря на утрату родины. В своем очерке «Алексей Максимович Горький» он называет писателя учеником Л. Толстого. Значение и величие писателя А. Ремизов видит в продолжении толстовского мифа о человеке, стремящемся подняться во весь рост. Критик отрицает широко распространенное утверждение о Горьком-нищешанце, создавшем образ «сверхчеловека», стоящего по ту сторону

добра и зла, презирающего общепринятые нравственные нормы.

По словам А. Ремизова, горьковский человек – творческая личность, обреченная на гибель несовершенством мира. Горький – мифотворец, его миф утверждает самое важное в человеческой жизни – человеческое достоинство, «горьковское гордое сознание человека, без чего дышать нечем». Именно здесь проходит граница между Горьким и Достоевским, для которого гораздо важнее были категории смирения и непротivления: «Слово у Горького – от всего бунтующего сердца, слог звучит крепостью слов, стиль: читать Горького можно только громко “во всеуслышанье”» [6, с. 265]. Бунт Горького в русской литературе не могли не оценить современники, вот почему, полагает А. Ремизов, М. Горького читали с восторгом.

Стиль Горького, с точки зрения знатока русского слова А. Ремизова, адекватен его сознанию, его убеждениям; Горький прошел мимо стилистических исканий модернистов XX века, прежде всего Джойса и Пруста, но он в полной мере ценил и продолжил поэтическое мастерство Н. Лескова, из современников выделил «русского Киплинга» М. Пришвина. А. Ремизов, в отличие от многих соотечественников-эмигрантов, не судит Горького, считая, что он сам себя осудил и, возможно, предсказал свою трагическую участь образом своего раннего трагического героя из повести «Трое» – Ильи Лунева.

Е. Замятин, автор знаменитого первого романа-антиутопии в русской и мировой литературе – романа «Мы», покинувший Россию в 1931 году, также очень высоко ценил роль М. Горького в истории русской литературы и русского общества, особенно его отношение к интеллигенции в трудные годы революции и гражданской войны. В статье-некрологе «М. Горький» (1936) автор пишет о смерти А. М. Пешкова и о бессмертии М. Горького. Е. Замятин подчеркивает колоссальную энергию писателя, которой хватало и на литературу, и на помощь русской интеллигенции; по его словам, Горький всегда вмешивался в самую гущу событий, он хотел действовать: «Он был заряжен такой энергией, которой было тесно на страницах книг: она выливалась в жизнь. Сама его жизнь – это книга, это увлекательный роман» [5]. Для Е. Замятина образ М. Горького навсегда остался символом русской революции и новой, послереволюционной России, в которой писатель стал своего рода «неофициальным министром культуры», организатором грандиозных проектов: издательства «Всемирная литература», «Дома Искусств», «Дома Ученых» и многих других, где объединял писателей, поэтов, академиков, переводчиков. «Я знаю, – писал Замятин, – человека-Горького с благодарностью вспоминают многие в России, и особенно в Петербурге. Не один десяток людей обязан ему жизнью и свободой» [Там же].

Библиографические ссылки

1. Адамович Г. Максим Горький // Литературное обозрение. 1992. № 5 – 6. С. 39.
2. Там же. С. 40.
3. Айхенвальд Ю. Максим Горький // Силуэты русских писателей. М. : Республика, 1994. С. 451.
4. Айхенвальд Ю. Максим Горький [Электронный ресурс]. URL : http://az.lib.ru/a/ajhenwalxd_j_i/text_0113.shtml (дата обращения: 25.10.2023).
5. Замятин Е. М. Горький [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_1938_gorky.shtmlhttp://dugward.ru/library/zamatin/zamatin_m_gorkiy.html (дата обращения: 25.10.2023).
6. Ремизов А. М. Максим Горький // Избранное. М., 1992. С. 264.
7. Ходасевич В. М. Горький [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/gorkiy/hodasevich_gorkiy.html (дата обращения: 27.10.2023).

I. A. Kostyleva

**LITERARY CRITICISM OF THE RUSSIAN DIASPORA ABOUT
THE PERSONALITY AND WORK OF M. GORKY**

The article is devoted to the analysis of literary and critical works of writers of the Russian diaspora devoted to the personality and creativity of M. Gorky and published in our country in the late 80s - early 90s of the twentieth century. The article presents some of the essays of this interesting and significant critical heritage, namely: the memoirs of G. Adamovich, V. Khodasevich, Y. Aichenwald, A. Remizov and E. Zamyatin, which reflect the split in Russian literature and culture after the October Revolution.

Keywords: literary criticism, Russian abroad, emigration, M. Gorky, revolution, essay.

**ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЛИЧНОСТНОЙ СВОБОДЫ
В ТЕОРИЯХ РУССКОГО АНАРХИЗМА:
М. БАКУНИН, П. КРОПОТКИН, А. БОРОВОЙ**

В статье рассматривается проблема свободы личности в учениях основоположников русского анархизма – М. Бакунина, П. Кропоткина, А. Борового. Идеал свободы личности определяется философскими предпосылками религиозного понимания природы человека и его творческих возможностей (М. Бакунин); П. Кропоткин обосновывал освобождение человека от всех форм внешнего и внутреннего насилия на основе эволюционной теории Ч. Дарвина, выделяя принцип взаимопомощи как фактор прогрессивного развития живой природы и общества; А. Боровой видел путь к свободе личности в гармонизации сущностных сил человека – разума, воли, чувств, инстинктов, создавая новую теорию «романтического анархизма» в первые десятилетия XX века. Авторы дают положительную оценку научно-рационалистической версии анархо-коммунизма П. А. Кропоткина, идеи которого созвучны современному ценностному натурализму.

Ключевые слова: анархизм, свобода, личность, альтруизм, эгоизм, насилие, гармония, прогресс.

Анархизм как социально-политическое учение возникает в Европе в 1840-х годах, его основоположниками были М. Штирнер, П. Прудон и русский идеолог революционного народничества М. А. Бакунин. Классический (ранний) анархизм М. Бакунина стоит на точке зрения тотального отрицания государства и других институтов влияния, угнетающих личность. Народные массы, по мнению анархистов, способны на самоопределение, они могут создать свободную федерацию добровольных самостоятельных сообществ-

общин, представляющих безгосударственные формы социально-экономического устройства.

В русской философии конца XIX – начала XX века формируется концепция коммунистического анархизма П. А. Кропоткина, в основу которой положен творческий принцип взаимопомощи в развитии органической жизни, который проявляется в закономерностях общественно-исторического процесса развития. Солидарность и взаимная помощь в отношениях между людьми должны стать ин-

струментами достижения единства и гармонии в коллективном существовании людей без внешнего принуждения.

Анархические представления развиваются в религиозной философии Л. Н. Толстого и в художественно-философской антропологии Ф. М. Достоевского. Философским основанием анархизма М. Бакунина, Л. Толстого, Ф. Достоевского была христианская идея о тождестве человека и Бога, позволяющая поверить в реальную возможность будущих совершенных людей, выявить в себе Бога, построить правильное, совершенное общество, в котором не будет места насилию и утвердятся царство истинной свободы [5].

Отрицательное отношение к государству у русских анархистов обусловлено исходным ценностным положением о безнравственности всякой власти как источника социального зла, перманентного конфликта между личностью и обществом. Анархизму, как и подлинному либерализму, присуща вера в добрую природу человека, которую Н. А. Бердяев назвал «метафизическим индивидуализмом», признающим «сверх-эмпирическое» за индивидуумом, заключающееся в свободном самоопределении человека в своих правах и обязанностях. Христианский анархизм Льва Николаевича Толстого насилию со стороны государственной власти противопоставляет любовь как религиозное начало жизни, способное изменить человеческое сознание, побуждать человека к личному самосовершенствованию и гуманному устро-

ению жизни. «Радикальным отношением к общественности будет лишь то отношение, которое стремится изменить сущность вещей, корень общественного бытия, которое стремится преобразить самое человеческую природу, создать нового человека, несущего с собой новый дух» [2]. В русском анархизме радикального толка (М. Бакунин) уничтожение государства связано с атеизмом, необходимым для снятия религиозно-церковного оправдания мнимой сакральности государственной власти; десакрализация политической власти освобождает человека и от власти Бога, создавая опасность человеческого самообоготворения в форме «предельного индивидуализма» и субъективизма, порождающего кумиров – «земных богов», а следовательно, и новое насилие, направленное на защиту и охрану добра и свободы личности. Вместе с тем в бакунинском анархизме социальная свобода определяется через признание метафизической абсолютности человеческой личности, основанное на идее тождества Бога и человека, из которой выводится смысл предназначения человека в реализации в себе возможной божественной полноты в её индивидуализированной форме. В этой двойственности позиции, связанной с эмансипацией личности, отражается внутреннее противоречие анархо-коммунизма М. Бакунина. Абсолютная полнота раскрытия божественной сущности представлена в боговоплощенной личности Иисуса Христа, жизнь которого основана на

любви и внутренней свободе и служит примером для всех людей в поисках личного отношения к Богу внутри истинного «Я». Для М. Бакунина Богочеловек являлся первым человеком, полностью раскрывшим собственную земную сущность: «Иисус Христос велик и возможен только как истинный человек; как Бог он нелеп и смешон. Он родился человеком, как мы; мы должны стать Богом, как он» [2, с. 197]. Самостоятельные и свободные личности, выявившие в себе Бога, в их соборном множестве способны создать социальную организацию как религиозную освященную новую жизнь, как осуществление Царства Божьего на земле, как «истинный» коммунизм, свободно объединяющий в акте любви индивидов, узнающих друг в друге воплощенную божественную сущность. М. Бакунин видел в подлинном социализме новую земную религию человеческого рода в духе «истинного христианства», связывающего предназначение человека с конечной целью построения совершенного общества. Личность не постигается с помощью науки, она всегда остается загадкой для самого человека, её самоосвобождение происходит в обществе и обществом же сдерживается, против чего личность бунтует. М. Бакунин не признавал «конечные идеалы» общественного развития, «всецело доверяя спонтанному и мудрому творчеству жизненной стихии (в частности, проявляющемуся в «народном инстинкте», заменяющем трудящимся систематическое научное просвещение и историче-

скую коллективную память, в недрах которой формируется народный идеал). «Он не верил в возможность конструирования жизни посредством отвлеченной мысли, как и в возможность гармоничного и бесконфликтного существования личности и общества» [5]. Внешне, формально анархическая теория М. Бакунина предстает как атеистическая, о чем заявляет сам М. Бакунин в поздних работах, но «это можно считать не более чем искренним самообманом, хотя советские историки по идеологическим причинам принимают этот «материалистический поворот» Бакунина за истинную монету. Теория Бакунина трансформируется только во внешней форме, но в философских основаниях остается неизменной, ее по-прежнему можно признать понятной и правдоподобной только в рамках принципов позднего религиозного учения Фихте» [Там же]. (Многие исследователи истории русской философии признают большее влияние идей Фихте на развитие русской философской мысли, чем идей Канта, Гегеля, Шеллинга). Имманентная религиозная основа бакунинской концепции анархизма, сложившаяся под воздействием учения Фихте, станет образцом для осмысления отношений личности и общества в теориях других представителей русского анархического мировоззрения, хотя это влияние могло не осознаваться ими.

Ярким представителем анархического мировоззрения первой трети XX века был ученый, энциклопедист и общественный деятель А. А. Боровой

(1875 – 1935), который пришел к анархизму от марксизма и социализма, увидев в анархии «наиболее возвышенную социально-философскую доктрину», направленную на конечное освобождение личности. «Личность есть центр анархического мировоззрения. Полное самоопределение личности, неограниченное выявление ею своих индивидуальных особенностей – таково содержание анархического идеала... Постоянное, непрерывное, ни извне, ни изнутри не ограничиваемое устремление личности к самоосвобождению есть основной постулат анархизма» [6, с. 44 – 45]. Исследователи творческого наследия А. А. Борового относят его к постклассическому типу анархизма, называя его «дитяем модернизма», который подверг тщательной ревизии теории, существовавшие в анархической философии того периода, выражающие сциентистские представления о природе человека и общества. Взяв на вооружение интуитивистскую философию Анри Бергсона и индивидуалистическую идею Штирнера и Ницше, он решился на обновление анархической теории, чтобы сделать её «романтическим учением с реалистической тактикой», подвергающим жёсткой критике любые коллективные представления как признаки власти и объявляющим главной революционной ценностью экзистенциальную динамичность свободной личности [7, с. 7 – 8]. Для А. А. Борового анархизм стал личным, глубоко пережитым мировоззрением, которому он остался верен до конца жизни (за анархические убежде-

ния сначала он был сослан в 1929 году в Вятку, а с 1933 по 1935 год жил во Владимире, где и скончался).

В «романтическом анархизме» А. Борового соединяются мысли М. Бакунина о «негативной диалектике» разрушения и созидания в революционном обновлении общества с волонтаристскими и индивидуалистическими представлениями «философии жизни», а также удерживается все ценное, что получило развитие в теориях либерализма и социализма, в практике революционного синдикализма с точки зрения свободы и творчества личности в её перманентной борьбе с обществом за достоинство отдельного (конкретного) человека. Свобода личности трактуется в качестве культурно-исторической задачи и цели общественного прогресса, движение к которой связано с совершенствованием общественных форм, общечеловеческих условий для уменьшения внешней опеки над личностью. А. Боровой выступал против полного обособления личности от общества и искал меру их динамического равновесия в процессе диалектической «борьбы с культурой за культуру», в драматическом спонтанном творчестве мировой истории, связанном с неизбежной непредсказуемостью свободных актов самоосвобождающихся от несвободы людей. В новой исторической ситуации (Первая мировая война, русская революция и гражданская война, тоталитаризм и фашизм в Европе, зарождение «человека массы» и др.) проблема свободы личности ставится в трагические обстоятельства и требует

большого мужества от всех борцов за свободу. А. Боровой критикует абстрактный объективизм и сциентистский рационализм классического анархизма, особенно теорию анархокоммунизма П. А. Кропоткина, отрицает любой финализм и фетишизм, признавая за романтическим анархизмом веру в непрерывность мирового развития, в открытость возможностей человеческой природы к самоизменению, к творческому росту. Как и М. Бакунин, А. Боровой видит в личности подлинную, неповторимую, вечно движущуюся реальность, находящуюся в принципиальном неустрашимом антагонизме с обществом. «Никогда, ни при каких условиях не может быть достигнута между ними полная гармония. Общественность есть лишь связность подлинных реальностей – своеобразных и неповторимых. Поэтому общественность не может быть абсолютной целью личности. Она не может быть безусловным критерием её поступков. Она есть средство в осуществлении личностью её творческих ценностей» [7, с. 141]. Личность одета в плоть и кровь, она «живой, конкретный деятель» во всём его своеобразии и индивидуальной неповторимости, радостно постигающий диалектику Жизни и Свободы как символов анархической веры. Последователь «философии жизни» А. Бергсона, А. Боровой признавал иррациональность, текучесть жизни и первичную обоснованность свободы человека, отрицая религиозную интерпретацию бытия в догматическом духе, но он относился к

миру мистически, как сторонник романтизма и дионисийства. А. Боровой доверял спонтанному, интуитивному освоению и постижению мира в его полноте и тотальности, критикуя рационализм и сциентизм за их отвлеченность, рассудочность, обедняющие знание жизни во всей её глубочайшей сложности. Самоопределение личности, её конечное освобождение происходит в процессе непрерывного разрешения противоречий индивидуального и социального, рационального и иррационального, утилитарного и духовного, творческого и репродуктивного и других дихотомий и антиномий в отношениях личности и общества. «Тот, кто стал анархистом, не боится противоречий; он сумеет их творчески изжить в самом себе... Человек, как мы его знаем в истории и знаем сейчас, реальный, живой человек, со всеми взлетами его и падениями, соединяющий в своем характере целомудрие и жажду наслаждений, гордость и самоотречение, страсть к господству и похоть пресмыкательства, далек от подлинной анархической свободы» [4, с. 362, 373]. А. Боровой видит иллюзорность быстрого революционного утверждения анархического строя в России, отмечая «беспросветное невежество», «пренебрежительное отношение к культурным ценностям», «техническую неподготовленность», «алкоголизм», «политическую незрелость» и другие недостатки нашего народа. Русскому народу необходимо изжить «привычку к рабству», чтобы постепенно создать предпосылки для

сознательного массового анархизма, требующего свободного самодетельного, культурного человека, способного к коллективному творчеству. А. Боровой считал, что «государственный социализм» должен со временем перерасти в анархизм, который соответствует идеалу свободной личности.

«Романтический анархизм» А. Борового отличался от «научного анархического коммунизма» П. А. Кропоткина, теория которого построена на естественно-научных основаниях, индуктивно-дедуктивным методом. Ядром социально-политических воззрений П. А. Кропоткина выступает дарвинизм, в котором он выделяет не борьбу за существование, а социальный инстинкт как принцип взаимной помощи, являющийся вместе со взаимной борьбой законом органической жизни. Человек подчиняется всеобщему закону живой природы. «Сам Кропоткин биолог, и в его концепции социальная жизнь не есть какой-либо самостоятельный тип существования не имеющих себе подобных, но лишь особая форма органического мира» [4, с. 144]. А. Боровой критиковал кропоткинский анархизм за недооценку роли личности в историческом прогрессе и идеализацию будущего человечества, представляемого в финалистском духе. Биологизаторство методологии познания социальной истории, по мнению А. Борового, приводит П. А. Кропоткина к умалению самоценности личностного начала в творчестве жизни, к редукции человека до роли «разумного автомата». Данная оценка не соответствует

общему подходу П. Кропоткина к пониманию творческого начала в человеческой природе. Он был убежден в том, что «человек есть часть природы, а его личная и общественная жизнь есть такое же явление природы, как рост цветка или развитие общественной жизни у муравьев и пчёл» [6, с. 282]. П. Кропоткин полагал, что разумное и доброе начало в человеческом существе под влиянием социальной среды и воспитания будет нарастать и люди со временем придут к осуществлению анархического идеала. Высшие нравственные чувства (альтруизм, великодушие, любовь) коренятся в инстинкте общительности, взаимопомощи и при благоприятных условиях самовыражаются в пространстве свободы воли.

На основе внутренней потребности к воплощению альтруизма и справедливости постепенно будет происходить устранение препятствий на пути к совершенному устройству общества. Альтруистический эволюционизм П. А. Кропоткина не следует трактовать как теорию жёсткого природного и социального детерминизма, растворяющего человеческую личность в законах природы и социума, как это представляет А. Боровой. «По П. А. Кропоткину, социальные идеалы реализуются в деятельности свободных, высоконравственных людей-личностей, ответственных за выбор целей и средств их достижения» [1, с. 45 – 50]. Научная вера П. А. Кропоткина в творческую силу инстинкта взаимопомощи, в совершенствование человека и социально-культурных форм коллективной жизни подкрепляется вы-

водами из достижений современных наук о жизни и новых представлениях об эволюционно-генетических предпосылках человеческого поведения в его высших, идеально-духовных проявлениях. Сближение «наук о природе» и «наук о духе» позволяет экстраполировать понятие «ценность» на мир живого и обосновывать биологическими законами генезис человеческих ценностей. Новая натуралистическая аксиология направлена на раскрытие сущностного единства биологической, антропологической и социальной эволюции. «Как мы теперь знаем, жизнь и культура находятся в столь тесном пространственном, временном и функциональном перекрытии, что с полным основанием можно говорить, что «культура укоренена в жизни», что «жизнь прорастает человеческой культурой» и пр. ... И хотя высшие эта-

жи и уровни ценностей, несомненно, имеют главным образом социальные и сугубо антропологические корни, само отношение значимости, специфическим выражением которых они являются, возникает вместе с живой природой и вместе с ней и посредством её порыва достигает культуры, науки, нравственности, эстетики и религии» [3, с. 289 – 290].

Современный ценностный натурализм как новая мировоззренческая ориентация открывает возможности увидеть в анархо-коммунизме П. А. Кропоткина наиболее жизнеспособную и опционально-реалистическую программу создания разумом и волей людей свободного союза самоосвобождающихся личностей, включенных в мир природы и общества и преобразующих его в свободном творчестве по законам необходимости.

Библиографические ссылки

1. Белоусов П. А., Феоктистов Н. Д. Биосоциальные предпосылки гуманистической этики П. А. Кропоткина: социально-философский анализ // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 4(36). С. 45 – 50.
2. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. М. : Канон+, 1999. 464 с.
3. Борзенков В. Г. Философия науки. На пути к единству науки. М. : КДУ, 2008. 320 с.
4. Боровой А. А. Анархизм. М. : РИПОЛ классика, 2022. 384 с.
5. Евлампиев И. И. Истоки и смысл русского анархизма // Вопросы философии. 2018. № 4. С. 5 – 15.
6. Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М. : Правда, 1990. 640 с.
7. Рябов П. В. Вступительная статья // Личность и общество в анархическом мировоззрении / А. А. Боровой. М. : РИПОЛ классика, 2021. 272 с.

**PHILOSOPHICAL SUBSTANTIATION OF PERSONAL FREEDOM
IN THE THEORIES OF RUSSIAN ANARCHISM:
M. BAKUNIN, P. KROPOTKIN, A. BOROVOI**

The article deals with the problem of personal freedom in the teachings of the founders of Russian anarchism - M. Bakunin, P. Kropotkin, A. Borovoy. The ideal of individual freedom is determined by philosophical prerequisites of religious understanding of human nature and its creative possibilities (M. Bakunin); P. Kropotkin justifies the liberation of man from all forms of external and internal violence on the basis of the evolutionary theory of C. Darwin, highlighting the principle of mutual aid as a factor in the progressive development of living nature and society; A. Borovoy saw the way to individual freedom in the harmonization of the essential forces of man - reason, will, feelings, instincts, creating a new theory of "romantic anarchism" in the first ten years of his life. The authors give a positive assessment of the scientific-rationalist version of P.A. Kropotkin's anarcho-communism, whose ideas are consonant with modern value naturalism.

Keywords: anarchism, freedom, personality, altruism, egoism, violence, harmony, progress.

УДК 78.01

Р. А. Куренкова, Д. А. Ушакова

**ФЕНОМЕНОЛОГО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ МЕТОД
КАК СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ**

Статья посвящена проблемам исполнения музыкальных произведений классического репертуара, процессу создания оригинальной интерпретации, а также обоснованию роли и взаимосвязи феноменологического и герменевтического методов в музыкальном исполнительстве. Феноменолого-герменевтический метод рассматривается как современное решение вопросов художественного творчества, в том числе и музыкально-исполнительского. Также в статье охарактеризована и обоснована категория «музыкальный эстетизм», имеющая важное значение не только в музыкальном исполнительстве, но и в эстетике восприятия музыки.

Ключевые слова: интерпретация музыки, феноменология, герменевтика, эстетика исполнительства, эстетизм.

Искусство исполнительской интерпретации на сегодняшний день находится на высочайшем техническом и художественном уровнях. Об этом свидетельствуют многочисленные всероссийские и международные конкурсы и фестивали с высокими программными требованиями. Однако современного слушателя порой сложно поразить и удивить новой трактовкой произведения. При всей многочисленности молодых исполнителей на главных сценах России и зарубежья лишь единицы способны запечатлеть свое имя в истории, проникнуть в сердца слушателей, получить положительные отклики критиков. Поэтому современные исполнители все чаще обращаются к новой методологии – не только музыкально-исполнительской, но и философско-эстетической. В XXI постиндустриальном веке происходит интеграция различных научных сфер, например психологии и эстетики, философии и юриспруденции и т. д. Так, философско-эстетические идеи и подходы проникают не только в музыковедение, но и в музыкальное исполнительство и педагогику, в то же время вопросы интерпретации музыки все чаще интересуют ученых-философов и эстетиков.

Феноменолого-герменевтический метод, образованный слиянием идей философских учений XX века – феноменологии и герменевтики – может послужить современным подходом к исполнительской интерпретации музыки академической направленности. Истоки музыкального исполни-

тельства, как и любого другого художественного творчества, основываются на рефлексии воспринимаемого мира. Как в произведении искусства художник отражает свое видение окружающей действительности, так и в интерпретации музыки исполнитель воспроизводит свой субъективный взгляд на музыкальное произведение, руководствуясь в большей или меньшей степени авторскими и редакторскими указаниями в нотах. Феноменология открывает возможность исследователю проникнуть в индивидуальное поле сознания исполнителя с целью выявления особенностей создания оригинальных интерпретаций того или иного музыкального произведения. Прежде чем мы приступим к рефлексии воспринимаемого мира, мы должны совершить акт феноменологической редукции. Редукция – это метод очищения человеческого сознания с целью нахождения искомого или первоначального значения. Интерпретатор, исполняя музыкальное произведение, формирует в сознании эйдетический образ – субъективный феномен. Совершая эйдетическую редукцию, исполнитель очищает феномены сознания от внешней реальности, превращая их в переживания. Так определяет эйдетическую редукцию М. Мерло-Понти: «Эйдетическая редукция заключается в решении показать мир таким, какой он есть до нашего обращения к себе, в стремлении уравнивать рефлексии с нерелексивной жизнью сознания. Я вглядываюсь в мир, его воспринимаю» [5, с. 15].

В ранних работах по эстетике и феноменологии музыкального исполнительства [2; 7] мы говорили о том, что восприятие нами окружающей действительности происходит с помощью специфических духовных средств и способностей – эмоциональных, рациональных и подсознательных. Все эти средства являются неотъемлемыми компонентами в интерпретации музыки. Действительно, если исполнение не смогло затронуть эмоциональную сферу как самого интерпретатора, так и слушателя, то вряд ли эту интерпретацию можно назвать подлинным творчеством. Эмоция представляет собой процесс, результат, образ и опыт переживания музыки человеком. Интерпретируя музыкальное произведение, исполнитель не только выражает свои эмоции, но и воздействует на эмоции других людей. Можно утверждать, что именно за эмоциями приходят слушатели в концертные залы. «Музыка отзвучала – и каждый из нас полон готовности с завтрашнего дня изменить свою жизнь к лучшему, осуществить, наконец, свои высокие замыслы и сделать для людей что-то необыкновенно хорошее. Кто не испытал прилива таких чувств, тот еще ни разу по-настоящему музыки не услышал» [1, с. 99 – 100]. Таким образом, исполняя, интерпретатор передает свои эмоции слушателю. Если интерпретация лишена эмоций, то она не произведет на слушателя должного эффекта. Лишь в единстве с движением музыкальных эмоций интерпретация создает музыкальное содержание, без

которого любое творчество не имело бы смысла.

В эстетике XX века существуют две противоположные тенденции, которые относятся и к интерпретации музыкальных произведений. Первая тяготеет к абсолютизации чувственного (или эмоционального) уровня отражения, вторая – преувеличивает роль рационального. Сторонники первой тенденции (Д. Рескин, З. Фрейд) считают, что художник должен смотреть на мир, будто видит его впервые, глазами ребенка, и отказаться от практического интереса к нему. Приверженцы рациональной тенденции (Р. Аркхейм, Э. Гомебрич) ведут к абсолютизации идей и стиля. К примеру, это проявляется в концептуальном искусстве. Художники этого направления предлагают концепцию, которую излагают в письменном виде, «кладут в папку и дают возможность желающим с ней ознакомиться» [3, с. 11]. В своей статье М. В. Логиновских говорит о том, что связь конкретно-чувственного и рационального в художественном творчестве осуществляется в процессе практической деятельности, а непосредственным носителем этой связи является представление. На его основе рождаются художественные феномены.

Проблемы соотношения рационального и иррационального представлены и в ранних работах А. Ф. Лосева, в которых он негативно настроен на абсолютизацию рационализма и выступает против культа разума. По его мнению, научный объективизм есть лишь фикция, поскольку под его обли-

ком скрываются банальные симпатии и антипатии, собственные убеждения и бессознательные интуиции. В этом отношении интересно и справедливо его мнение о том, что природа художественного образа не складывается из суммы рациональных признаков, она предстает перед нами как нечто живое и непознанное. Именно поэтому поистине художественный образ волнует нас всякий раз, когда мы любуемся произведением искусства. Конечно, художественный образ имеет рациональную основу, но «без своей живой, вечно новой и неиссякаемой неисчерпаемости иррациональности он не есть художественный образ, но механическая сумма вполне дискретных друг в отношении друга слагаемых» [4, с. 635].

Так или иначе, без рационального осмысления интерпретация музыкального произведения представляется нам произвольной трактовкой. Поскольку музыкант-интерпретатор имеет дело с конкретным авторским сочинением, нотным текстом с редакторскими указаниями, ему необходимо придерживаться данной «инструкции». За рациональную сторону интерпретации, на наш взгляд, полностью отвечает герменевтический метод. Он заключается в толковании авторских знаков, трактовке смысла произведения, понимании замысла композитора, а также выяснении индивидуальных исполнительских устремлений. Очень характерно в отношении музыкального исполнительства и интерпретации музыки понятие «герменевтический круг», согласно которому мысль интерпрета-

тора движется по «расширяющейся спирали», постоянно углубляя и расширяя понимание текста. При этом понимание никогда не завершается, а лишь дополняется все новыми элементами. На наш взгляд, трактовка текста через герменевтический круг аналогична своей методологической функцией работе над музыкальным произведением. Такая схожесть проявляется в постоянном круговом возвращении от целой формы к ее частям и от частей вновь к общей форме, в бесконечности процесса понимания, углубляющегося и постоянно изменяющегося, а также в принципах трактовки текста. Музыкант-интерпретатор всегда находится в условиях герменевтического круга – познавая музыкальное произведение, он стремится к раскрытию авторских идей, при этом двигается от детальной работы, заключающейся в нюансировке, штрихах, динамике и т. д., к цельному «охвату» формы всего сочинения. В процессе герменевтического круга смысл частности подчиняется целому. Такая взаимосвязь создает условия для изменения и углубления общей картины понимания смысла музыкального произведения. Соответственно, такой процесс никогда не может быть завершен, так как мысль интерпретатора будет расширяться, все больше углубляясь в авторский текст и замысел, тем самым открывая новые «смысловые горизонты».

Немаловажным фактором в исполнительском искусстве является интуиция. В. Н. Самохин определяет понятие «интуиция» как «бессознательную

работу сознательного интеллекта» [6, с. 66]. А. Т. Шумилин выделяет признаки интуиции – прямое созерцание сути вещей, самоочевидность возникшего знания, независимость его от системы доказательств, внезапность возникновения [8, с. 113]. Также исследователь говорит об инкубации – длительном скрытом периоде работы подсознания. Так или иначе, в поиске ответов на вопросы интерпретации, который осуществляется сознательно, исполнитель обращается к памяти и всем материалам, имеющимся в ней. Новое решение возникает непроизвольно с помощью обращения подсознания к материалам памяти, с которыми ему приходилось действовать ранее. «В период инкубации в подсознании происходит переработка информации в плане решаемой проблемы, найденное решение определяется как интуитивное, как озарение» [Там же, с. 116]. Этот факт приводит к тому, что исполнитель-интерпретатор должен накопить значительный опыт, необходимый для творчества, рождения представлений, образов, знаний, приемов оперирования с ними и т. д., другими словами – исполнителю необходимо формировать свое подсознание. Это формирование может осуществляться как неосознанно, так и целенаправленно и сознательно. «Огромный объем упражнений, выполняемых музыкантом с раннего детства, ежедневно, в определенной последовательности, нарастание их сложности формируют у него подсознание, характерное для музыканта и необходимое для его будущей творческой деятельности в области музыки»

[8, с. 116 – 117]. Таким образом, интуиция – это способность, которую вполне можно развить. Наряду с эмоциональными и рациональными факторами, она составляет триединство в исполнительской интерпретации музыкального произведения.

Для феноменолого-герменевтического анализа исполнительства, на наш взгляд, необычайно важна такая категория, как «музыкальный эстетизм». Она была разработана и обоснована нами во многих ранних работах [7]. Открытие «музыкально-прекрасного», как удачно назвал его Э. Ганслик, – это всегда открытие личностной точки слуха, личностной интерпретации музыки, которые основываются слушателем на композиторских и исполнительских свойствах самого произведения и на чувствах эстетического удовольствия или неудовольствия слушателя.

Однако следует отличать удовольствие от красоты тонов и структур самой музыки от удовольствия и восторга своих чувств, вызванных музыкой. Музыка может возбуждать как собственно эстетические музыкальные чувства, так и иные общие чувства человека. Последние возникают под влиянием музыки, но к чисто эстетическому музыкальному отношению не имеют прямого действия. В отличие от общих чувств, вызванных музыкой, «музыкальный эстетизм» питается ценностью и смыслами собственно художественных структур самой музыки. Вот почему феноменологический описательный анализ музыкального переживания важно дополнять герменевти-

ческим или теоретико-смысловым интерпретационным анализом. В этом нам помогает категория «музыкальный эстетизм». Его мы видим как некое понятие, отражающее не просто состояние психологического, а эстетического наслаждения музыкой в сознании человека.

Только яркая аффектно-эйдосная вспышка, момент духовного озарения, связанный с особым наслаждением неутилитарного, самопроизвольного слухового созерцания, способен «перевести» объект-субъектное отношение из обыденной сферы чувств в пространство сознания с эстетическими координатами. Физиологическое наслаждение может «поставляться» музыкой, но оно не связано с духовными эстетическими чувствами. Музыкальный эстетизм обусловлен прежде всего интеллектуальным наслаждением эйдосами самой музыки, а затем появляющимся на его основе «шлейфом» эстетических, нравственных, интеллектуальных представлений человека. Музыкальный эстетизм – это синоним явленности нашему сознанию феномена красоты музыки. Он диалектически сочетает смысловую явленность музыкального произведения и субъективную самость Композитора – Исполнителя – Слушателя как «самость Другого». Поскольку в музыкальном эстетизме сходятся воедино одно и многое, явление и смысл, объективное – субъективное – интерсубъективное, целое и части, предмет и идея, необходим феноменолого-герменевтический анализ музыкально-эстетического отношения. Именно в музыкальном эстетизме мы как бы совершаем первый шаг

к эстетическому восприятию и изменению музыки через первое «умное переживание» (Л. С. Выготский), первое эмоциональное прикосновение к ее сущности и первое чувство духовного наслаждения.

Нами была предпринята попытка создания типологии музыкальных эстетизмов [2, с. 243]. Однако логично предположить, что, согласно триаде Б. В. Асафьева «Композитор – Исполнитель – Слушатель», следует рассматривать специфику композиторского, исполнительского и слушательского музыкального эстетизма.

Каковы условия возникновения музыкального эстетизма исполнителя? Каковы механизмы возникновения ассоциативности, синестезии, эстетических аффектов исполнителя? Какую роль играет исполнительский эстетизм в вариативности и интерпретациях исполнителя?

Сложность исследования исполнительского процесса, скрытого от сознания и композитора, и слушателя, и даже во многом от самого исполнителя, связана с исключительной трудностью и недостаточным экспериментальным освоением психологических и эстетических механизмов исполнительского творчества. Нужна координация таких исследований на физиологическом, психологическом и социологическом уровнях. В решении этих будущих задач феноменолого-герменевтическая методология и одна из ее позиций – «исполнительский музыкальный эстетизм» – задача первостепенной важности.

Библиографические ссылки

1. Днепров В. А. О музыкальных эмоциях. Эстетические размышления // Кризис буржуазной культуры и музыка : сб. ст. М. : Музыка, 1972. С. 99 – 174.
2. Куренкова Р. А. Эстетика – Музыка – Образование (феноменологическая целостность) / Владим. гос. пед. ун-т. Владимир, 2001. 308 с.
3. Логиновских М. В. Соотношение конкретно-чувственного и рационального в художественном творчестве // Теоретические проблемы художественно-эстетической деятельности / под ред. А. А. Оганова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 8 – 14.
4. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики [Электронный ресурс]. URL: <http://glierinstitute.org/ukr/study-materials/4/losev.pdf> (дата обращения: 10.11.2023).
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб. : Ювента : Наука, 1999. 602 с.
6. Самохин В. Н. Художественное творчество и интуиция // Вопросы истории и теории эстетики / под ред. М. Н. Афасижева. М., 1977. Вып. 10. С. 65 – 76.
7. Тельчарова Р. А. Введение в феноменологию музыки / отв. ред. К. М. Долгов. М. : Ин-т философии, 1991. 214 с.
8. Шумилин А. Т. Проблемы теории творчества : монография. М. : Высш. шк., 1989. 143 с.

R. A. Kurenkova, D. A. Ushakova

**PHENOMENOLOGICAL-HERMENEUTICAL METHOD
AS A MODERN APPROACH TO PERFORMING INTERPRETATION
OF CLASSICAL MUSIC**

The article is devoted to the problems of interpreting musical works of the classical repertoire, the process of its creation, as well as substantiating the role and relationship of phenomenological and hermeneutic methods in musical performance. The phenomenological-hermeneutic method is considered as a modern solution to issues of artistic creativity, including musical performance.

Researchers in the field of performing arts face an unusually difficult task - to penetrate into the spiritual world of a musician, to trace the process of creating a unique interpretation of a musical work. The complexity of this task lies in the fact that performance, along with other types of art, is a complex manifestation of the internal-spiritual and external-operational world of a person, and it is impossible to trace and characterize this process from the outside. However, scientists - philosophers and aesthetics, as well as musicologists have always looked for ways to penetrate into the essence of the creative process.

When applied to the interpretation of classical music, the phenomenological-hermeneutic method makes it possible to see the work from a different “angle of view” – from the position of philosophical thought. The phenomenology of music is based directly on sensory, emotional and intuitive experience, while at the same time, musical hermeneutics is aimed at rational understanding, interpretation of the author's text, and the meaning of the work. The combination of phenomenological and hermeneutic methods thus includes three main means of cognition and perception - emotional, rational and intuitive. The article also characterizes and substantiates the category of “musical aesthesis,” which is important not only in musical performance, but also in the aesthetics of music perception.

Keywords: music interpretation, phenomenology, hermeneutics, performance aesthetics, aesthesis.

УДК 172.12

Н. И. Петев, Н. Д. Феоктистов

**ПРОБЛЕМА ДЕФИЦИТА КАДРОВ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ
АНАРХИЧЕСКИХ ИДЕЙ**

В статье рассматривается проблема дефицита кадров в школах, анализируются данные о количестве педагогов в учебных заведениях и их сокращении за последние два года. В качестве решения проблемы предлагаются адаптированные под современное устройство общества идеи анархиста Д. Гильома о социальной организации. Рассматривается его точка зрения на образование и устройство общества.

Ключевые слова: образование, дефицит, сокращение, анархия, школы, целевой договор.

В современной России возникла проблема дефицита кадров в учебных заведениях. Стоит отметить, что особо остро нехватка специалистов ощущается в школах. Данный вопрос освещается в СМИ с частотой раз или два раза в месяц. СМИ отметили проблему нехватки специалистов во владимирской школе № 29 [5]. Родители обратились на телевидение с инфор-

мацией о том, что в школе учитель физкультуры заменяет педагогов по русскому языку и математике. Как было отмечено, проблема существует в учебном заведении уже не первый год. Аналогичная ситуация с дефицитом кадров возникла и в Волгограде: родители учеников выпускного класса школы № 11 Воронцовского района рассказали СМИ, что детям с начала

сентября не преподают алгебру, геометрию, физику, информатику [5]. В дальнейшем, после родительских жалоб в департамент образования, учитель математики появился, но он работает учителем истории и зам. директора в этом же учебном заведении [Там же].

На данный момент идет отток учителей из школ. Это может быть связано с отношением к учителям со стороны родителей, учеников и государства. Достаточно вспомнить недавний

случай с Артуром Морозовым – молодого учителя математики уволили из школы под предлогом неподобающего внешнего вида и якобы пропаганды ЛГБТ-ценностей [6]. Такое отношение к учителям только усиливает отток кадров из системы образования и не способствует привлечению новых педагогов.

В таблице, построенной на основе статистических данных сборника ВШЭ «Образование в цифрах» [2], приведено количество учителей, работающих в России.

Количество учителей в России, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального, среднего и общего образования

Параметр	Учебный год				
	2011/12	2019/20	2020/21	2021/22	2022/23
Общее количество учителей	1064,4	1083,3	1087,3	1083,4	1079,6
Количество учителей с высшим образованием	888,1	942,6	946,0	940,0	935,0
Количество учителей с высшим образованием педагогического профиля	841,9	912,2	916,2	911,1	901,9
Количество учителей со средним профессиональным образованием	160,7	133,0	133,7	134,5	135,7
Количество учителей со средним профессиональным образованием педагогического профиля	140,8	124,3	125,4	126,3	127,1
Количество учителей возрастом до 35 лет	–	247,5	251,7	252,0	251,6
Количество учителей возрастом до 60 лет	–	140,3	147,8	153,0	158,0

На основании таблицы прослеживается сокращение учителей за два учебных года – 2021/22 и 2022/23 го-

ды – с 1083,4 тыс. человек до 1079,6 тыс. чел., потеря кадров составляет 6,8 тыс. чел., т. е. 0,63 % от общего числа

педагогов. С 2020/21 по 2022/23 учебный год из профессии ушли 7,7 тыс. чел. преподавательского состава (0,74 % от общего числа).

Приведенные данные показывают не только сокращение количества учителей, но и наличие у них высшего или среднего профессионального образования, в том числе педагогического образования. В 2021/22 учебном году 940,9 тыс. чел. имело высшее образование, но уже на следующий учебный год в российских школах работало 935,0 тыс. чел. – за год система образования потеряла 5,9 тыс. чел. А за три учебных года (с 2020/21 по 2022/23 год) из школ ушли порядка 11,3 тыс. чел. с высшим образованием.

Важное уточнение – наличие высшего педагогического образования: из всех педагогических сотрудников, имеющих высшее образование, на 2021/22 учебный год – 911,1 тыс. чел., а на 2022/23 – 901,9 тыс. чел. Примерное количество учителей с профильным образованием, ушедших из школы, составило около 11 тыс. чел. за два учебных года; если в статистику включить 2020/21 учебный год, то потеря составит около 15 тыс. чел. – за три года уволилось 1,64 % педагогов с высшим педагогическим образованием.

Проанализируем ситуацию со специалистами со средним специальным образованием. За последние два года уволилось примерно 1 тыс. чел. с СПО, а также около 1 тыс. чел. с педагогическим средним специальным образованием.

Из приведенных данных видно, что насчитывалось 1070,7 тыс. чел. с ВО и СПО, но всего в 2022/23 учебном году было 1079,6 тыс. чел. Получается, что 8,9 тыс. чел. либо не имеют никакого образования, но участвуют в оказании образовательных услуг, либо 8,9 тыс. чел. не участвовали в опросе.

Исходя из проблемы нехватки кадров и законопроекта о разрешении студентам старших курсов работать в учебных учреждениях (июнь 2023 года), можно сделать вывод, что около 8 тыс. чел. работают без образования.

Проблема кадрового голода и проблема привлечения новых специалистов в систему тесно связаны. «Аktion образование» подсчитало, что на данный момент учителя в возрасте от 20 до 30 лет в школах составляют всего 10 % от преподавательского состава. Средний возраст педагогического работника – 40 – 50 лет (59 % от всех сотрудников). Учителей старше 50 лет тоже много – около 31 %, что значительно превышает процент молодых сотрудников [5].

Почему молодых специалистов в системе образования так мало? В первую очередь это может быть связано с начальной зарплатой начинающего свой путь учителя (в разных регионах она разная). На информационных сайтах указывается, что средняя зарплата учителя по России составляет 45 тыс. руб. [7]. Если учесть факторы, которые напрямую влияют на заработную плату (выслуга лет, количество отработанных часов, уровень квалификации, наличие дополнительной нагрузки), то

получается, что зарплату в размере 45 – 50 тыс. руб. имеют преподаватели возрастом 40 – 50 лет, что и составляет 59 %.

Тогда почему количество учителей с каждым годом сокращается? Можно сделать предположение, что для молодых специалистов не созданы соответствующие условия – они приходят в школы на заработную плату 20 тыс. руб. и менее. Также важную роль играет человеческий фактор – молодой специалист не справляется с нагрузкой, возложенной на него. Не закрывающая человеческие потребности зарплата не соответствует тем усилиям, которые тратятся на весь рабочий процесс. По нашему мнению, именно эти факторы способствуют оттоку кадров из системы образования.

Можно ли решить эту проблему? Не будем рассматривать аксиому с повышением заработной платы. На наш взгляд, пути решения лежат в истории анархизма. Джеймс Гильом в своей работе «Мысли о социальной организации» рассматривал проблему нехватки, замены и воспитания кадров. По его мнению, каждый член общества должен быть общественно полезен и выполнять некую работу, которая будет развивать коммуну или улучшать качество её жизни [4, с. 9]. Эти идеи, заложенные в Первом интернационале, плавно перетекли во Второй интернационал, многие идеи были переосмыслены и их авторы канули в небытие. В СССР применялась практика работы по распределению: «Ребенок никому не принадлежит, он принадлежит

только самому себе; и в тот период, когда он не способен защитить себя и тем самым подвергается эксплуатации, именно общество должно защитить его и гарантировать его свободное развитие. Кроме того, общество должно поддерживать его и контролировать его образование» [4, с. 12]. Д. Гильом в главе «Образование» вспоминает Платона и его философскую утопию «Государство» [3]. Вслед за ним философ-анархист пытается отделить ребенка от родителей и отдать его на воспитание коммуне; по его мнению, общество должно защищать ребенка от эксплуатации и гарантировать его свободное развитие. Также общество должно оказывать поддержку в образовании индивида: «Поддерживая его и оплачивая его образование, общество лишь дает авансовый «займ», который ребенок выплатит, когда станет взрослым продюсером» [Там же]. Вслед за этими изменениями Д. Гильом предлагает реформировать образование детей от 6 до 17 лет. На ранних этапах предполагается, что ребенок 5 – 6 лет будет заниматься физическими упражнениями и гимнастикой, которые впоследствии приведут его к умственным занятиям.

В возрасте от 12 до 16 лет дети должны начать изучать основные отрасли человеческого знания. В этом возрасте предусматривается посещение фабрик и мастерских, где дети получают базовые навыки, что в дальнейшем поможет им с определением в выборе профессии. В этих идеях чувствуется дух итальянского философа эпохи Возрождения Томмазо Кампанеллы,

автора утопии «Город Солнца» [1], но реализация в современных условиях предлагаемого метода образования и воспитания невозможна.

Однако есть некоторые идеи, которые будут сочетаться с современными реалиями, например создание ассоциации рабочих, «которые будут свободны управлять производством и организовывать свою работу так, как они считают нужным, при условии соблюдения прав каждого рабочего и соблюдения принципов равенства и справедливости» [4, с. 12]. В современных условиях такая организация поможет отстаивать права учителей, коллективная борьба за индивида поможет в противостоянии системе. Школы могут организовывать посещение разных фабрик, заводов, организаций по оказанию услуг и т. д. Но остается вопрос: как быть с дефицитом кадров? Мы считаем, что следует переосмыслить метод и условия заключения целевого договора. Во-первых, убрать договор между кон-

кретной школой и университетом, т. е. университет должен принимать абитуриента на бюджетную форму обучения, договор должен заключаться между государством – университетом – школой, чтобы впоследствии можно было урегулировать нехватку кадров в конкретной области знания. Во-вторых, убрать ограничение на количество целевых договоров по направлениям подготовки, связанных с учительской деятельностью. Некоторое количество абитуриентов не поступает в вузы из-за нехватки баллов ЕГЭ – этот процент выбывает из системы высшего образования. Однако во избежание пересдачи единого государственного экзамена и отчуждения от образовательного процесса абитуриенты, не прошедшие конкурс по баллам, могли бы заключить (подписать) целевой договор, что впоследствии могло бы способствовать снижению роста дефицита кадров. В-третьих, следует прививать уважение к труду педагогов в общественной среде.

Библиографические ссылки

1. Кампанелла Т. Город Солнца. М. : Изд-во Акад. наук, 1960. 168 с.
2. Образование в цифрах: 2023 : крат. стат. сб. / Т. А. Варламова [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с.
3. Платон. Государство. Законы. Политик / под ред. Е. И. Темнова. М., 1998. 798 с.
4. Guillaume J. Ideas on Social Organization [Электронный ресурс]. URL: <https://files.libcom.org/files/james-guillaume-ideas-on-social-organization.pdf> (дата обращения: 01.11.2023).
5. Материал подготовлен на основе информации Antijob.net [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-6283450_87408 (дата обращения: 01.11.2023).
6. Материал подготовлен на основе информации Antijob.net [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-6283450_88126 (дата обращения: 01.11.2023).

7. Материал подготовлен на основе информации Mel.fm [Электронный ресурс]. URL: <https://mel.fm/novosti/5739468-kazhdy-shestoy-uchitel-v-rossyskoy-shkole-ne-imeyet-vysshego-pedagogicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 01.11.2023).

N. I. Petev, N. D. Feoktistov

THE PROBLEM OF PERSONNEL SHORTAGE IN THE SECONDARY EDUCATION SYSTEM AND WAYS TO SOLVE IT WITH THE HELP OF ANARCHIST IDEAS

The article examines the problem of staff shortage in schools, analyzes data on the number of teachers in educational institutions and their reduction over the past two years. As a solution to the problem, the ideas of the anarchist D. Guillaume on social organization adapted to the modern structure of society are proposed. His view on education and the structure of society is considered.

Keywords: Education, deficit, reduction, anarchy, schools, targetcontract.

УДК 18 + 7.011

А. В. Семенович

СУДЕБНЫЙ РИТУАЛ КАК СПОСОБ ТРАНСФОРМАЦИИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В МЕТАФИЗИЧЕСКУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

В статье представлен философский анализ традиционных судебных ритуалов, определяющих взаимосвязь судебного процесса с метафизической реальностью. Рассмотрена специфика ритуала места проведения судебного процесса, философская природа ритуала символов и ритуала действий судебного процесса, трансформирующих его в метафизическую реальность. Обозначена взаимосвязь существующих судебных ритуалов с религиозными представлениями о Суде Осириса и Страшном суде. Определена актуальность философского осмысления судебного процесса.

Ключевые слова: судебный процесс, метафизическая реальность, ритуал, Суд Осириса, Страшный суд.

Судебный процесс в условиях современной нередко рассматривается как исключительно утилитарная бюрократическая, а иногда и обыденная практика. Причина этого, по всей видимости, кроется во все возрастающем количестве различных ситуаций, возникающих в сфере повседневности

и находящих свое разрешение в пространстве судебного процесса.

Именно такое – утилитарное – понимание судебного процесса характерно и для современного юридического дискурса, в рамках которого данный феномен определяется как порядок рассмотрения дел в суде, как судебное дело [1, с. 696].

Между тем судебный процесс, являясь одной из древнейших социокультурных практик человеческой цивилизации, содержит в себе очевидные ритуальные элементы, отражающие его сакральную связь с метафизической реальностью.

Прежде всего, следует отметить, что судебный процесс всегда происходит в особом месте, на огороженной территории, внутри которой действуют специальные правила, установлен особый порядок. Как отмечает Й. Хёйзинга: «Всякое место, где свершается правосудие, это поистине освященное место, отрезанное, отгороженное от обычного мира. Таким образом, сначала выделяют место для суда, а затем созывают суд» [8, с. 57]. В связи с этим необходимо констатировать наличие ритуала места проведения судебного процесса. Для объяснения смысла данного ритуала Й. Хёйзинга использует такие определения, как «магический круг», «игровое пространство», нивелирующие привычные для повседневности статусы и превращающие всех оказавшихся внутри пространства судебного процесса в его равных участников. Зал судебного заседания обладает существенной

чувственно-эстетической направленностью, выражающейся в формировании у присутствующих в нём «благоговейного созерцания» и уважения к судебной власти [3, с. 69]. Таким образом, ритуал места формирует пространственную выхваченность и изолированность территории проведения судебного процесса от обыденной жизни, в связи с чем возникает ощущение соприкосновения с чем-то сакральным, священным, таинственным, появляется чувство уважения, благоговения и отчасти страха перед судебной властью.

Другой формой судебного ритуала выступает демонстрация его символов: изображение весов, длинные черные мантии судей, государственный флаг, государственный герб. Данные символы носят неутилитарный характер, а их значение может быть осмыслено не рационально, а только посредством чувственно-эстетического восприятия. Г. Б. Власова отмечает: «Эстетическое чувство (в широком смысле этого слова) является одним из методов осуществления всех подлинных функций суда. В его символической стороне тесно переплетаются метафизика и антропология конкретной исторической эпохи. Такая символика всегда очень точно и понятно фиксирует обоснование права на суд в данной культуре» [Там же]. Использование ритуальных символов судебного процесса – необходимое условие явления самого суда. Именно посредством обозначенных символов происходит *перевоплощение человека в судью.*

Й. Хейзинга отмечает, что, облачаясь в мантию или парик, судьи уходят из «обыденной жизни» для отправления правосудия [8, с. 120]. Исследователь обращает внимание на церемониально-эстетическое сходство между процедурой облачения в мантию судьи и архаичными традициями надевания ритуальных масок для исполнения танцев у первобытных народов. «И то и другое делает человека иным существом» [Там же]. В этом смысле, облачившись в мантию и оказавшись в окружении символов государственной власти, человек перестает быть самим собой, утрачивает свое Я, самоотчуждает себя и перевоплощается в некое иное, нечеловеческое, существо. Именно это нечеловеческое существо, а не человек, существовавший до облачения в мантию судьи, обнаруживает в себе право судить, признавать виновным, приговаривать к наказанию и вызывает у нас уважение и страх.

Помимо прочего ритуальность выражается в ряде обязательных действий участников судебного процесса, таких как вставание при входе судей в зал судебного заседания и выслушивание стоя объявления решения суда; обращение к суду со словами: «Уважаемый суд» или «Ваша честь»; дача объяснений стоя. Характер обозначенных действий направлен на формирование у всех присутствующих в зале судебного заседания чувства уважения к суду, неоспоримости авторитета и *сакральности судебной власти*. Кроме того, совершение таких ритуальных действий позволяет абстрагироваться

от всего внешнего и второстепенного по отношению к судебному разбирательству, ощутить свое нахождение внутри специфического замкнутого пространства, почувствовать свою отчужденность от «личных предпочтений и мотивов» [2, с. 101]. С момента произнесения фразы «Встать, суд идет!» все участники судебного процесса забывают о личных отношениях и начинают играть свои профессиональные роли [5, с. 40].

«Судебный ритуал – это холодный, достаточно чопорный мир. Несомненно, что он есть сфера внеповседневного в человеческом опыте» [3, с. 70]. В свою очередь, нивелируя повседневность, судебный ритуал открывает доступ к метафизической реальности, трансформируя в неё судебный процесс.

Вспомним, что для многих религиозных традиций достаточно характерно осмысление посмертной судьбы человека и конца истории через метафизические представления о Страшном суде. Одним из первых вариантов такого осмысления выступает описание Суда Осириса, содержащееся в сборнике религиозных текстов и гимнов древних египтян под названием «Книга мертвых». Древние египтяне верили в неизбежность для каждого умершего суда, который вершится богом Осирисом. Известен содержащийся в «Книге мертвых» текст ритуальной оправдательной речи, которую надлежит произносить подсудимому на судебном процессе, вершимом Осирисом. В ходе такой речи подсудимый,

заверяя в том, что он верен богам и истине Маат, заверяя в своей чистоте, сообщает о своей невинности в грехах, приводя при этом подробный перечень преступных деяний, которые им не совершались [5, с. 75 – 76]. Суд Осириса воспринимался древними египтянами не как нечто иллюзорно-метафорическое, но как вполне реальный судебный процесс, с которым непосредственно связана жизнь отдельного человека и всего общества. Основу такого восприятия составляла идея Маат, являвшаяся фундаментом миропонимания, духовной и религиозной культуры, государственного и общественного устройства древнеегипетской цивилизации. «В своем космологическом смысле Маат – это принцип порядка, заложенный при создании Вселенной. В своем религиозном смысле Маат является богиней или некой силой, представляющей порядок или баланс. Наконец, в своем философском смысле, Маат – это моральный и этический принцип, который все египтяне должны были воплощать в своих повседневных действиях в отношении семьи, сообщества, нации, окружающей среды и бога» [9, р. 951]. Египтянин обязан был руководствоваться сакральными принципами Маат во всех своих действиях. Контроль за соблюдением этих принципов в древнеегипетском государстве осуществляли жрецы культа богини Маат, которые исполняли функции судей [7]. Необходимость следования принципам Маат не ограничивалась только земной жизнью, она признавалась актуальной

и на посмертном Суде Осириса. Именно Маат исполняла ключевую функцию на Суде Осириса и определяла посмертную участь умершего. Рассматривая описанные представления древних египтян с точки зрения современного юридического дискурса, можно сказать, что Суд Осириса входил в судебную систему Древнего Египта, выполняя функцию суда конечной верховной инстанции.

Выраженная в представлениях о Суде Осириса идея конечного потустороннего метафизического суда, вершимого Богом, воспринята более поздними религиозными традициями. Так, в иудаизме под Страшным судом понимается конец всемирной истории и определение меры ответственности живых и мертвых перед Богом. В христианстве идея Страшного суда неразрывно связана с верой в конец мира и второе пришествие Христа, которому отводится роль главного судьи. Догмат о Судном дне – один из основополагающих в христианстве, что находит свое выражение в молитве «Символ веры», в «Деяниях святых Апостолов» (Деян. 10:42). В исламе идея Страшного суда выражена в представлении о последнем дне «кямат», когда все люди получают воздаяние за свои дела (Сура 69 «Аль-Хакка», аят 18 – 34).

Выраженная в представлениях о Суде Осириса и Страшном суде идея конечного потустороннего метафизического суда, вершимого Богом или некими высшими силами, остается актуальной и в наше время, что находит свое выражение в ныне действующих

официальных ритуальных судебных символах. Так, официальным символом современного правосудия являются весы, т. е. главный атрибут Суда Осириса. Кроме того, идея Страшного суда как высшей и наиболее объективной процедуры имплицитно присутствует в современном юридическом дискурсе, что выражается в признании актуальности иерархии судебных инстанций, а также в наличии права обжалования решения суда в вышестоящем судебном органе и в целом свидетельствует о наличии в человеческом сознании вечного стремления к правосудию, беспристрастность и справедливость которого абсолютны и имеют метафизическую основу.

Таким образом, судебный ритуал отчасти трансформирует утилитарно-юридическую реальность судебного процесса в метафизическую. По всей видимости, именно это обстоятельство нередко заставляет нас испытывать перед судом волнение, трепет, страх, ужас, так как имплицитно мы осознаем, что, вступая в пространство судебного процесса, мы тем самым сталкиваемся с метафизической реальностью, со всей свойственной ей таинственно-

стью, непостижимостью, непредсказуемостью.

Рассмотрение судебного процесса в таком качестве нетипично для юридического дискурса с присущей ему рациональностью. В то же время такая точка зрения вполне согласуется с общефилософским пониманием категории «процесс», разновидностью которой выступает судебный процесс. В современном философском дискурсе под «процессом» понимается «совокупность необратимых, взаимосвязанных, длительных изменений, как спонтанных, так и управляемых, как самоорганизованных, так и организуемых, результатом которых является некое новшество или нововведение (новые морфологические формы организмов, новые разновидности, социальные, научные, культурные и пр. инновации)» [6]. Рассмотрение судебного процесса в качестве метафизической реальности обозначает необходимость его философского осмысления, так как открывает возможность соотнесения рассматриваемых судом частных обыденно-утилитарных ситуаций со сверхопытными началами и законами бытия.

Библиографические ссылки

1. Барихин А. Б. Большая юридическая энциклопедия. М. : Книж. мир, 2010. 960 с.
2. Богомазова В. В. Ритуальность как способ реализации категории чуждости в судебном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2014. № 3. С. 100 – 104.
3. Власова Г. Б. Символы и ритуалы как культурные характеристики судебного процесса // Философия права. 2007. № 2. С. 69 – 73.

4. Древнеегипетская Книга Мертвых. Слово Устремленного к Свету / сост., пер., пред. и ком. А. К. Шапошникова, И. Евсы. [Б. м.] : ORPR OnLine Library (ebook), 2004. 98 с.

5. Моисеева Е. Встать, суд идет! Судебный процесс как объект социологического анализа // *Laboratorium*. 2018. № 1. С. 29 – 50.

6. Огурцов А. П. Процесс [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH011d9ed4664e9ab0a7a95b1d> (дата обращения: 01.11.2023).

7. Сикирич Е. Мудрость древнего Египта [Электронный ресурс] // Новый акрополь URL: http://www.newacropolis.ru/magazines/5_2001/Vechn_mudr_Dr_Eg-2 (дата обращения: 01.11.2023).

8. Хёйзинга Й. *Homo ludens*. Человек играющий / пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

9. Denise M. Maat and order in African Cosmology: A Conceptual Tool for Understanding Indigenous Knowledge // *Journal of Black Studies*. Vol. 38. Number 6. July 2008. P. 951 – 967.

A. V. Semenovich

JUDICIAL RITUAL AS A WAY OF TRANSFORMATION THE TRIAL INTO A METAPHYSICAL REALITY

The article presents a philosophical analysis of traditional judicial rituals that determine the relationship of the judicial process with metaphysical reality. The specifics of the ritual of the venue of the trial, the philosophical nature of the ritual of symbols and the ritual of the actions of the trial, transforming it into a metaphysical reality, are considered. The interrelation of existing judicial rituals with religious ideas about the Judgment of Osiris and the Last Judgment is indicated. The relevance of the philosophical understanding of the judicial process is determined.

Keywords: Trial, metaphysical reality, ritual, Osiris Trial, the Last Judgment.

УДК 32+128

Е. А. Тимощук, И. А. Тимощук

КУТЫРЁВ VS БОСТРОМ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСГУМАНИЗМА

Трансгуманизм – термин, который означает превосхождение повседневного антропного состояния, усовершенствование человека. Сейчас это международное культурно-интеллектуальное движение, которое поддерживает использование

науки и техники для повышения умственной, физической силы, способностей, а также для преодоления нежелательных или ненужных состояний человека, таких как инвалидность, болезни, боль, старение и случайная смерть. Мыслители-трансгуманисты исследуют возможности и последствия разработки и использования технологий увеличения человеческого потенциала и других новых технологий для этой цели. Кроме того, трансгуманисты анализируют опасности и выгоды, которые приносят эти новые мощные технологии, а также изменения в условиях жизни людей. Статья посвящена сопоставительному анализу концепций трансгуманизма шведского философа Ника Бострома и рефлексии трансгуманистских интенций в творчестве отечественного мыслителя Владимира Александровича Кутырёва. Авторы предлагают умеренный подход между техноскепсисом и апологией технократического будущего человечества.

Ключевые слова: антропоконсерватизм, техноскепсис, технооптимизм, гуманизм, трансгуманизм, постчеловек.

...Я вернусь к людям излечить
их от знания,
не знающего любви
Будда

На одном из занятий студентам предложили вспомнить яркое событие из их жизни и рассказать о нем. Студентка поделилась своей историей. Она вспомнила, как однажды ... осталась без интернета. Девушка делилась своим ощущением одиночества, оторванности от жизни и всё более возрастающим чувством тревоги. К счастью, интернет-связь удалось восстановить. К счастью...

Человеческое стремление к качествам сверхчеловека старо, как история человечества. Люди всегда стремились расширить свои границы, будь то экологические, географические или духовные. По крайней мере, некоторые люди пытаются найти способ обойти каждое ограничение и препятствие. Греческие философы были первыми, кто использовал логические рас-

суждения, а не чистую веру в своих попытках создать более чёткие системы мысли, нежели миф и религия. Сократ и софисты очистили сферу критического мышления от метафизики и космологии, включив в нее изучение этики, человеческого общества и психологических проблем. Эти исследования, выходящие за рамки натурфилософской программы, представляют собой важное направление мысли в западной науке, политической теории, морали и праве.

Эпоха Возрождения – время, когда сознание людей начинает пробуждаться от средневековых богословских и схоластических моделей, господствовавших на протяжении тысячелетий. Здесь люди и социокультурные системы становятся законными объектами изучения. Гуманизм эпохи Возрождения побуждал людей полагаться на свои собственные наблюдения и суждения, а не подчинять все религиозному суждению. Термин «сверхче-

ловек» впервые появляется в шедевре Данте «Божественная комедия».

Далее, в Новое время, можно видеть пролиферацию идей, подобных трансгуманизму, а также развитие идей о том, что люди могут развиваться посредством естествознания. Однако оптимизм конца XIX века перерос в узкий позитивизм и веру в то, что прогресс будет происходить наукометрически. Вехами на пути развития идеи сверхчеловека стали книга «Религия без апокалипсиса» (1927) и статья «Дедал: наука и будущее» (1923) британского генетика Джона Холдейна; деятельность ирано-американского футуриста FM-2030 (Ферейдун Эсфендиари), основавшего школу оптимистического футуризма «Крылья ангела»; организация Всемирного общества сверхлюдей (1998) философами Ником Бостромом и Дэвидом Пирсом.

Трудно отрицать вовлеченность современного человека в мир высоких технологий. Миллионы учёных во всём мире ежедневно трудятся, чтобы информация могла передаваться со всё возрастающей скоростью, храниться в больших объёмах, сложные технические устройства могли считывать и обрабатывать всё больше данных. Всё для человека. Или вместо человека? Очевидно, достижения научно-технического прогресса позволили современному человеку жить почти в два раза дольше средних показателей предыдущих эпох. Санитарная революция и изобретение антибиотиков позволили меньше болеть. Никогда за всю историю человечества не были

настолько доступны свет и тепло, продукты питания и вода. Казалось бы, человек подошёл к технологическому и гуманистическому рубежу. Дальше – прорыв в духе Фёдорова или Вернадского. И вместе с тем количество суицидов угрожающе растёт, растёт и количество потребления антидепрессантов. Увеличивается количество смертей в результате саморазрушения (употребления наркотиков и алкоголя) [5]. Эти тенденции позволяют усомниться в прямой зависимости человеческого прогресса от прогресса технологического. Поэтому актуальной остаётся дискуссия между «технооптимистами», которые формулируют новую парадигму осмысления будущего человечества, и «техноскептиками», отстаивающими неизменную сущность человека и его потребность в конструировании смыслов. Первую группу представляет шведский философ-футуролог-трансгуманист Ник Бостром, вторую – отечественный мыслитель-антрополог-серватор В. А. Кутырёв.

Ник Бостром убеждён, что суть новой парадигмы осмысления человечества опровергает тезис классической философии о том, что «состояние человека в корне неизменно» [7]. То есть любые технологии, например речь, письменность, изобретение книгопечатания, не только влияют на качество жизни людей, но качественно изменяют самих людей. И так как технологический прогресс предыдущих эпох шёл достаточно медленно, а новейшие изменения разворачиваются стремительно, мы можем увидеть обновлённого,

качественно усовершенствованного человека. Трансгуманизм для Бострома – это новый способ мышления, «позволяющий увидеть ослепительный пейзаж радикальных возможностей» [7], начиная от победы над старостью и болезнями и заканчивая преодолением физической ограниченности человека, победы над бэконовским «идолом пещеры». Приведём несколько примеров ключевых инноваций, осуществляющих переход к новой реальности.

Сверхразумные машины – под сверхразумом Бостром подразумевает любые формы искусственного интеллекта, созданные на основе лучшего понимания вычислительных архитектур и алгоритмов обучения. Такие машины позволят «превзойти лучшие человеческие мозги практически во всех областях, включая научное творчество, практическую мудрость и социальные навыки» [Там же]. Вот так, всё и сразу. Правда, современные когнитивисты утверждают, что *разум – это способность нестандартно действовать в нестандартной ситуации*, а это противоречит принципу алгоритмизации.

Второй бонус будущего – «пожизненное эмоциональное благополучие за счёт перекалибровки центров удовольствия» [7]. Вспоминается девиз из романа О. Хаксли «О дивный новый мир»: «Сомы грамм – и нету драм». Хотя количество желающих решить эмоциональные проблемы медикаментозными препаратами только увеличивается. То есть изменённое состояние сознания декларируется как новая норма. Сопротивление, способность

«держат удар», осмысливать и преодолевать препятствия, «наделять смыслом изначально абсурдное бытие» – все эти адаптивные механизмы объявляются лишними и безнадёжно устаревшими. Зачем, если есть таблетка? «По мере появления более чистых и безопасных средств для улучшения настроения и генной терапии «райская инженерия» может стать практически осуществимой [7].

Обратимся к декларации трансгуманизма Ника Бострома [8]. В ней восемь основных тезисов:

1. В будущем человечество радикально изменится под воздействием технологий, а именно: станет возможным «перепроектирование человеческого состояния», включая неизбежность старения.

2. Систематические исследования должны быть направлены на понимание этих событий и их долгосрочных последствий.

3. Запрет новых технологий деструктивен. Следует открыто относиться к технологическому прогрессу и обращать его достижения на пользу людям.

4. Человек имеет моральное право использовать технологии для расширения своих умственных и физических (в том числе репродуктивных) возможностей и улучшения контроля над собственной жизнью.

5. При разработках стратегий развития необходимо учитывать перспективу прогресса технологических возможностей.

6. Аспекты применения научных технологий должны быть открыто об-

суждаемыми и регулироваться нормами международного права.

7. Трансгуманизм разделяет принципы современного гуманизма, расширяя их применение на всех разумных существ, будь то искусственный интеллект или постчеловек (модифицированный человек).

8. Трансгуманизм вне политики.

Таким образом, Бостром представляет достаточно умеренное крыло трансгуманизма по сравнению с такими радикалами, как Джулиан Хаксли, Раймонд Курцвейл, Юваль Харари и Клаус Шваб, в текстах которых трансгуманизм предстаёт как неизбежный переход от человека биологического к постчеловеку.

Последовательным критиком трансгуманизма в России на протяжении более тридцати лет выступал нижегородский философ В. А. Кутырёв. Его позиция легко прочитывается в названиях его произведений, а их в творческом наследии автора более двухсот пятидесяти: «...цивилизация фальшизма», «прорыв в пропасть небытия», «Унесённые прогрессом» и многие другие. Кутырёв отстаивает право человека на сущность, смысло- и целеполагание, на то, чтобы не превратиться в «протоплазматическую субстанцию», в пост-транс-вирту эрзац человека. Для антропоконсерватора враждебна не технология сама по себе, а её тотальное влияние на саморефлексию, на ощущение человеком самого себя. Именно технооптимизм, под лозунгом прогресса «превращающий естественное в искусственное и мерт-

вое, пол в гендер, социальные отношения в виртуальные, жизненное = смысловое мышление (логос, сознание) в алгоритмическое (матезис, интеллект)» [1], является онтологическим противником Кутырёва. А «трансгуманизм, как естественное следствие бесконтрольного развития технологий, – это антропогуманофагия, прямой вызов идентичности человека» [2, с. 72]. Перспективы развития человека выглядят удручающе: технос извращает все естественные проявления человеческой сущности, например эротические: «...подавляемые культом эгоизма, оттесняемые на задний план денежно-карьерными целями, нагло эксплуатируемые рекламой, окруженные все более искусственным бытом, половые отношения теряют привлекательность, перестают быть ценностью. ... Наступает своего рода сексуальная энтропия, запрос на компенсацию которой принимают незаконные и узаконенные биопсихостимуляторы» [Там же, с. 51].

Итак, постчеловек не работает сам (есть роботы), не думает сам (думать за него будет искусственный интеллект), не чувствует сам (есть функции дополненной реальности), не любит сам (хлопотно, дорого, негигиенично). Что же остаётся этому счастливчику? В чём искать вдохновение и смыслы? Где то «зачем», преодолевающее любое «как»? Кутырёв призывает бороться, даже если нет особой надежды победить. И не только индивидуально, но и социально, цивилизованно, бытийно. Вести разъяснительную работу, раскрывать людям «их

широко закрытые глаза». «Общий девиз идеологии сопротивления само-апокалипсису человечества: науку и технологии – под контроль общества. Этический и законодательный, постоянный, жесткий!» [3, с. 157].

Кутырёв – защитник человеческого естества от разрушительного действия неумолимого прогресса. Однако становится очевидным вопрос: губительны ли технологии вообще? Деструктивен и опасен ли по определению весь технологический прогресс? То есть человеку, потерявшему руку, следует гордо отказаться от технологичного протеза, чтобы не стать киборгом, человеком модифицированным. Естественно, что протезы необходимы, однако большой вопрос, является ли изготовление экзоскелетов и инклюзивных приспособлений трансгуманизмом. А женщине следует отказаться от ЭКО, чтобы не стать матерью «ребёнка из пробирки»?

Когда человечеству следует закричать: «Горшочек, не вари!» и кто должен решительно погасить подогревающее его пламя? Нужно во что бы то ни было сохранить человеческую природу, иначе место займёт постчеловеческий вид. Каково в таком случае направление общественного развития, а движение, как известно, – фундаментальное свойство живого? Сохранить человека, законсервировав его развитие, перенаправив его в гуманистическое русло? Как это возможно без технологий? Ведь технологии составляют неотъемлемую часть человека. Он на протяжении всей своей истории пре-

одолевал вызовы природы, стремился познать её и преобразовать в соответствии со своими потребностями. Человек стремился уподобиться Богу в способности призвать из Ничто в мир Сущего то, чего в нем не было, и теперь стоит на пороге своего собственного творения и сомневается, можно ли сказать, что это хорошо. Чем больше открытых дискуссий вызовет тема развития и применения технологий, тем ответственнее и аккуратнее будет их применение.

Трансгуманизм – это способ футуристического мышления. Многие трансгуманисты концентрируются на потенциале будущих технологий и инновационных социальных систем для улучшения качества жизни, стремятся обеспечить юридическое и политическое равенство всех людей, устранить врожденные генетические, нейронные и физические недостатки, а также улучшить условия жизни человека. Философы-трансгуманисты считают, что для развития человечества и улучшения условий жизни человека необходимо сохранить совершенный моральный кодекс и что это осуществимо. Благодаря ускоренным темпам технологического развития и научного понимания мы вступаем в совершенно новый этап человеческой истории. Трансгуманисты рассчитывают на перспективы искусственного интеллекта. Они также признают, что некоторые технологии будущего могут нанести огромный вред человеческой жизни и даже поставить под угрозу выживание всей планеты. Попытка понять эти

опасности и работать над их предотвращением – одна из задач повестки дня всех землян, а не только трансгуманистов.

Логика развития ультратрансгуманистов прописана в разных источниках, включая Маркса, Аттали, Шваба. Объединяя их радикальные идеи, мы получаем мировое правительство, снятие всех различий между людьми, а у постмарксистов – ещё и депопуляцию и деиндустриализацию. Ценность определяется уже не нашей формой и текущими особенностями человеческой биологии, а желаниями и идеалами. Для ультратрансгумани-

ста прогресс – это когда все больше людей формируют себя, свою жизнь и свои отношения с другими в соответствии со своими трансгрессивными ценностями. Это вечный прогресс совершенствования науки, техники и человека в рамках антропологического перехода.

Вместе с тем энтропия в системе растёт, второе начало термодинамики неумолимо. Реальные процессы – дифференциация людей по доходам, расизм, кастовая сегрегация, рейтингование людей. И здесь мы вынуждены сменить футурооптимизм на футуро-пессимизм.

Библиографические ссылки

1. Кутырёв В. А. Унесённые прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире. СПб. : Алетейя, 2016. 300 с.
2. Кутырёв В. А. Философия трансгуманизма : учеб.-метод. пособие. Н. Новгород : Нижегород. ун-т, 2010. 85 с.
3. Кутырёв В. Человек технологий, цивилизация фальшизма. СПб. : Алетейя, 2022. 288 с.
4. Тимощук А. С. Технические и экономические императивы современного мира // Наука, образование, молодежь в современном мире. М. : РГУ нефти и газа им. (НИУ) И. М. Губкина, 2016. С. 77 – 81.
5. Управление Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности. Всемирный доклад о наркотиках. 2022 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/res/wdr2022/MS/WDR22_Booklet_1_russian.pdf (дата обращения: 10.11.2023).
6. Эрдэнэев Э. Т. Концепция трансгуманизма Ника Бострома // Гуманитарный вектор. 2018. № 3. С. 90 – 94.
7. Bostrom N. The Transhumanist FAQ: A General Introduction. World Transhumanist Association [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net> (дата обращения: 09.11.2023).
8. Bostrom N. What is transhumanism? [Электронный ресурс]. URL: <https://nickbostrom.com/old/transhumanism> (дата обращения: 09.11.2023).

**KUTYRYOV VS BOSTROM: PHILOSOPHICAL ANALYSIS
OF TRANSHUMANISM**

Transhumanism is a term that means transcending the everyday anthropic state, human improvement. It is now an international cultural and intellectual movement that advocates the use of science and technology to enhance mental, physical strength, abilities, and to overcome unwanted or unnecessary human conditions such as disability, disease, pain, aging, and accidental death. Transhumanist thinkers explore the possibilities and implications of developing and using human augmentation technologies and other new technologies for this purpose. In addition, transhumanists analyze the dangers and benefits that these powerful new technologies bring, as well as changes in the human condition are also the focus of the transhumanist movement. Transhumanist thinkers explore the possibilities and implications of developing and using human augmentation technologies and other new technologies for this purpose. In addition, transhumanists analyze the dangers and benefits that these powerful new technologies bring, as well as changes in the human condition are also the focus of the transhumanist movement. The article is devoted to a comparative analysis of the concepts of transhumanism of Swedish philosopher Nick Bostrom and the reflection of transhumanist issues in the work of Russian thinker Vladimir Alexandrovich Kutyrev. The author proposes a moderate approach between technoskepticism and apologia of the technocratic future of mankind.

Keywords: anthropoconservatism, technoskepticism, techno-optimism, humanism, transhumanism, posthumanism.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛОУСОВ Павел Алексеевич – кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
pbelousov.48@mail.ru

КОСТЫЛЕВА Ирина Александровна – кандидат филологических наук
доцент кафедры русской и зарубежной филологии Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир.
irakostyleva@yandex.ru

КУРЕНКОВА Римма Аркадьевна – доктор философских наук, профессор
научный руководитель межкафедрального научно-образовательного центра «Эстетика и эстетическое образование», г. Владимир
sacredvice@mail.ru

ЛЯПАНОВ Артем Владимирович – кандидат исторических наук, доцент
зав. кафедрой частноправовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир
Lyapanov@mail.ru

ПЕТЕВ Николай Иванович – кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
cyanideemo@mail.ru

ПЕТРОВИЧЕВА Елена Михайловна – доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир
helenp94@mail.ru

СЕМЕНОВИЧ Александр Владимирович – кандидат философских наук
старший преподаватель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
a_semenovich76@mail.ru

СОЛОВЬЁВ Андрей Борисович – кандидат политических наук
руководитель музейного образования «Музей истории органов безопасности во
Владимирской области», г. Владимир
andrej.solovev.61@mail.ru

ТИМОЩУК Елена Андреевна – кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столе-
товых, г. Владимир
e@timos.elcom.ru

ТИМОЩУК Игорь Алексеевич – студент 2-го курса Владимирского государ-
ственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорье-
вича Столетовых, г. Владимир
gcloak@bk.ru

УШАКОВА Дарья Алексеевна – кандидат философских наук
преподаватель и концертмейстер МБУДО «Мстёрская сельская детская школа
искусств»
sacredvice@mail.ru

ФЕОКТИСТОВ Никита Денисович – студент 4-го Владимирского государ-
ственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорье-
вича Столетовых, г. Владимир
nikitka.feoktistov.96@mail.ru